

ЖИЗНЬ
ВЕЛИКОГО ЙОГИНА
МИЛАРЕПЫ



ПОЮЩИЙ
О СВОБОДЕ

~ Цанг Ньон Херука ~

Колесо времени (Ориенталия)

Цанг Ньон Херука

**Поющий о свободе. Жизнь
великого йогина Миларепы**

«Ориенталия»

XV век

Херука Ц.

Поющий о свободе. Жизнь великого йогина Миларепа /
Ц. Херука — «Ориенталия», XV век — (Колесо времени
(Ориенталия))

ISBN 978-5-91994-022-7

Великий йогин и поэт Миларепа (1040–1123) – один из отцов-основателей тибетской буддийской традиции Кагью, светило раннего буддизма в Тибете. В книге «Поющий о свободе» приводится его жизнеописание, составленное в XV веке другим известным тибетским йогиним Цанг Ньюном Херукой. Издание сопровождается вступительной статьей и глоссарием. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-91994-022-7

© Херука Ц., XV век
© Ориенталия, XV век

Содержание

Предисловие	7
Введение	15
Часть I	19
Глава первая	21
Глава вторая	28
Глава третья	33
Часть II	43
Глава первая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Цанг Ньон Херука Поющий о свободе

༄༅། །རྣལ་འབྱོར་གྱི་དབང་ཕྱུག་དམ་པ་རྗེ་བཙུན་མི་ལ་རས་པའི་
རྣམ་པར་ཐར་པ་དང་
ཐམས་ཅད་མཁྱེན་པའི་ལམ་སྟོན་བཞུགས་སོ། །

RNAL 'BYOR GYI DBANG PHYUG DAM PA RJE BTSUN MI LA
RAS PA'I RNAM PAR THAR PA DANG THAMS CAD MKHYEN
PA'I LAM STON BZHUGS SO//

Жизнеописание досточтимого миларепы, в высшей степени могущественного йогина, указывающее путь к освобождению и всеведению

*Перевод с тибетского и предисловие
Елены Леонтьевой, к.и.н.*

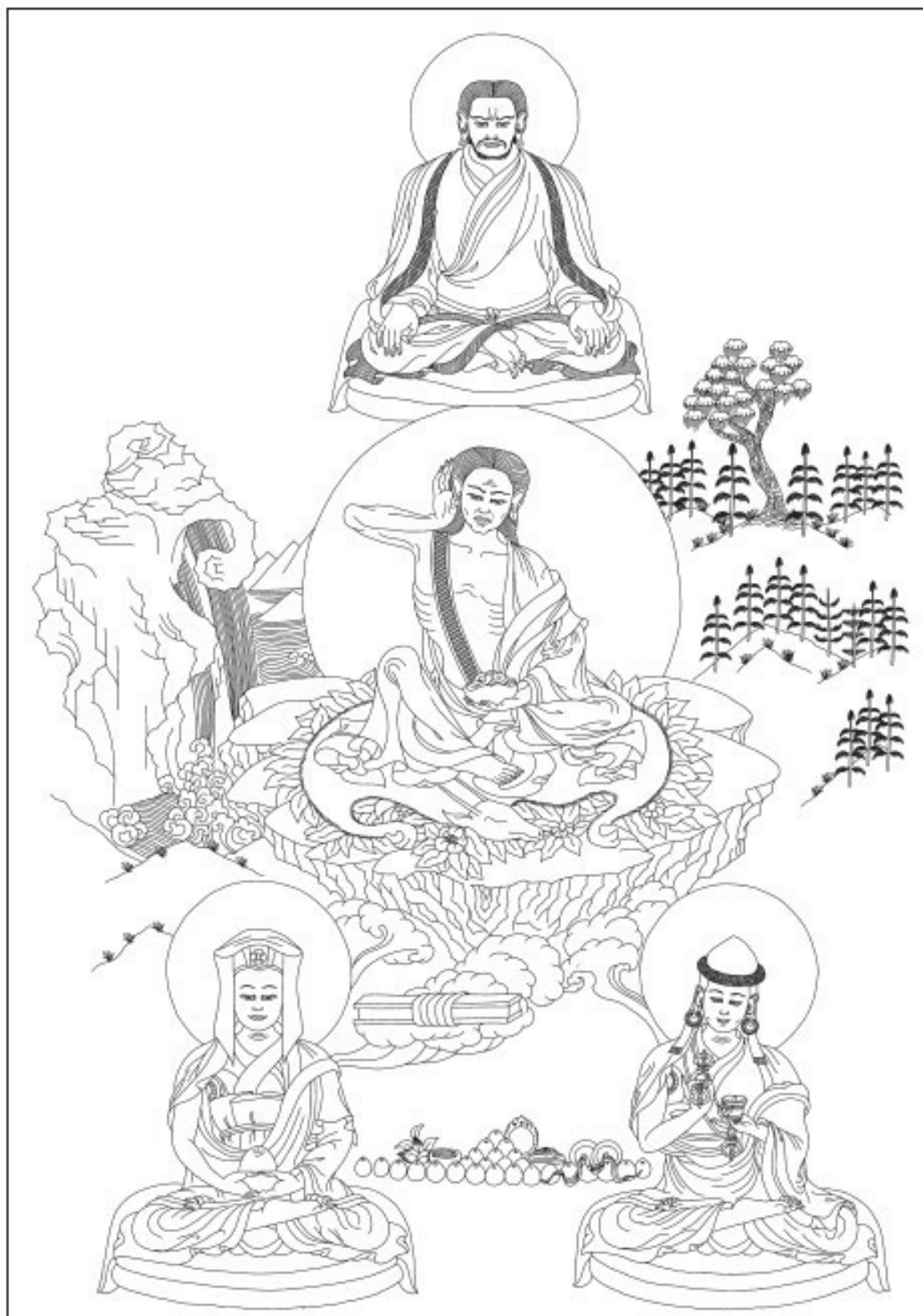
Редакция: А. Лузгин, А. Кузьмина, Е. Половникова, Э. Лобацкая
Иллюстрации: З. Тогузаева, Р. Бир

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Перевод на русский язык. Е. Леонтьева, 2012

© Иллюстрации. З. Тогузаева, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Ориенталия», 2014



Предисловие

Пожалуй, самые яркие страницы истории индийского и тибетского буддизма связаны с жизнью и деяниями йогин. Их биографии поражают воображение. Как правило, в самой ранней юности, попав в сложные обстоятельства, эти мужчины и женщины осознавали всю тщетность обыденного существования. Они открывали для себя, насколько бедна и бесполезна жизнь, содержание которой исчерпывается борьбой за выживание. Им было совершенно не интересно продавать и покупать, зарабатывать и тратить, обретать и терять, а потом умереть, так ничего и не поняв. Им как воздух необходим был истинный смысл, пронизывающий и объединяющий все. И ради его обретения они преодолевали невиданные препятствия, проявляя чудеса стойкости, отваги и верности избранному пути. Большинство из них, подобно Миларепе (1040–1123), герою этого повествования, отрекались от мирских связей и занятий, становились отшельниками, вольными странниками – пример, который во все века вдохновлял множество искателей духовного пути. Восстав против пустых ритуалов, шарлатанства, властолюбия и лживого философствования, йогин и йогини были мятежниками, борцами с предрассудками. Утверждая идеалы внешней и внутренней свободы, они жили небольшими группами в горных пещерах и лесах, часто даже на кладбищах, медитировали и давали тантрические поучения. Некоторым удавалось органично вплетать духовный путь в обеспеченную и занятую мирскую жизнь, ни от чего не отказываясь. Многие йогини были музыкантами и поэтами, их постижение отразилось в чудесных мистических песнях, написанных простым языком с использованием таких доступных примеров, как дом и семья, скотоводство и ремесла, любовь и чувственная близость.

Образы йогин на протяжении всей истории окружает ореол романтики и мистицизма. В их биографиях трудно, а подчас невозможно отделить реальность от вымысла – где кончается одно и начинается другое? А может быть, там все вымысел или все реальность? Те невероятные способности, называемые «сиддхи», или «йогические совершенства», – от поразительной живучести или работоспособности до полетов по воздуху, – которые йогин демонстрирует на каждой странице своего жизнеописания и с которыми в повседневности мы никогда не сталкиваемся, – совсем ли они выдуманы или только сильно преувеличены? Могут ли они хотя бы отчасти претендовать на реальность? Каждый по-своему отвечает на этот вопрос. Наверное, легче это воспримет тот, кому уже посчастливилось встретить человека, обладающего необычными качествами. Таких людей немного, но они есть. Среди нас живут гении, проникающие в тайны вселенной; есть творцы, чьи произведения глубоко затрагивают сердца; есть спортсмены, заставляющие тело преодолевать все мыслимые и немыслимые границы возможного; буддисты говорят и о просветленных, в совершенстве владеющих всеми аспектами ума. И поскольку, как утверждает буддизм, «ум – это царь» и «все происходящее происходит в уме», их мудрость Просветления способна менять не только собственное восприятие и поведение человека, но и «обычный» внешний мир. Однако пытливого ученика привлекает не это умение йогин играть с законами природы – иначе идеальным образцом для подражания был бы просто искусный фокусник, – а прежде всего дар открывать чужие умы и вдохновлять других на постижение истины. Такие «мастера сознания» обладают великой мощью благословения – соприкасаясь с ней, начинаешь верить в собственные силы, в возможность обретения такой же мудрости, такого же счастья и свободы.

Миларепа, знаменитый буддийский йогин и поэт средневекового Тибета, оставил огромное наследие из нескольких десятков тысяч духовных песен. Услышав слово «поэт», тибетец первым делом вспомнит о Миларепе, как всякий россиянин – о Пушкине.

Этот великий отшельник относится к числу ранних держателей школы Кагью – одной из крупнейших тибетских традиций, уходящих корнями в тантрический буддизм Индии VIII–XI

веков. Основал эту школу учитель Миларепы, мирянин Марпа Чёкьи Лодрё, иначе известный как Марпа-переводчик.

Работе Марпы и Миларепы предшествовал более чем двухсотлетний период разброда и шатаний, который наступил в середине IX века. Тогда первая волна буддизма в Тибете завершилась гонениями на Учение Будды, устроенными царем Лангдармой (правил в 838–842 гг.). Этот человек печально знаменит тем, что всего за несколько лет своего царствования сумел уничтожить (к счастью, не во всем Тибете, а лишь преимущественно в Лхасе и окрестностях) почти все плоды трудов буддийских учителей, разрушить монастыри и храмы. После смерти Лангдармы, погибшего от руки монаха Пал Дордже, начались кровопролитные междоусобицы и смуты. Лишенный сильной центральной власти, Тибет потерял многие пограничные земли, и великая тибетская империя пала. Буддизм в этот период существовал только на бытовом уровне. Учение передавалось лишь в рамках семейных традиций, вне каких-либо официальных институтов.

Вторая волна распространения Учения, которая началась в Тибете в XI веке, имела ряд существенных особенностей. Главными фигурами первой волны VII–VIII веков были тибетские императоры, их семьи и немногочисленные приближенные. Учение приносилось тогда иностранцами (Вималамитра, Падмасамбхава и другие пришли из Индии) и не сумело проникнуть в более широкие слои населения. В период до гонений Лангдармы буддизм в Тибете был в основном привилегией верхушки общества. Вторая волна шла «снизу вверх»: на этот раз инициатива принадлежала не царям или князьям, а обычным людям, и движение за восстановление буддизма было массовым. Это настоящий период тибетского Возрождения. В Индии того времени (середина эпохи Палов, императоров, которые открыто покровительствовали буддизму) кроме традиционной университетской Махаяны уже широко распространился тантризм, передаваемый главным образом йогинами-махасиддхами. Именно в этих двух формах Учение Будды было перенесено в Тибет и окончательно там принято. Многие тибетцы, самоотверженно преодолевая трудности и опасности пути, ходили в Индию в поисках учителей, получали там посвящения и устные наставления, запасались текстами сутр и тантр и, возвращаясь домой, обучали своих соотечественников. Эти подвижники – ученые, переводчики и йогины-мистики – часто получали знания у одних и тех же индийских ученых и практиков, а затем у себя на родине основывали каждый свою традицию, опираясь на те из методов, которые стали для них центральными и важнейшими.

Период до XI века в тибетских исторических хрониках называется «временем раннего распространения Учения». Тантрические тексты, которые переводились тогда, известны как «Старые тантры». На них основана линия поучений «Ньингма» (Древняя). Тексты, переведенные после XI столетия, называются «Новые тантры». Об этом отрезке тибетской истории говорят как о времени «позднего распространения Учения», и именно к нему относится появление традиции Кагью.

К тому моменту владения мусульман уже вплотную подошли к границам Индии: тюрки, которых возглавил Махмуд Газневи (998–1030), уже много раз опустошали индийские города и под знаменем джихада – священной войны мусульман с «неверными» – жгли библиотеки, разрушали храмы, строя на их руинах мечети. Буддийские учителя и монахи начинали покидать свою страну, перебираясь в Гималаи или уходя на восток. Видимо, в предчувствии еще более серьезной угрозы, многие индийские мастера все охотнее делились своими знаниями и опытом с чужеземцами, которые могли бы сохранить Учение в родных краях, лучше защищенных от набегов воинов ислама.

Марпа занимает особое место в ряду тибетских подвижников. Родившись в Тибете в тот период, когда интерес к буддизму там был еще не очень высок, он подростком, по воле родителей, приобщился к Учению Будды. Азы его он постигал у себя на родине, но в шестнадцатилетнем возрасте решил отправиться за тантрическими поучениями в Индию. Там он стал

учеником прославленного йогина Наропы (956–1040), посетил также Майтрипу (1007–1085) и многих других известных махасиддхов, установив тесную связь с тринадцатью из них. За всю свою жизнь Марпа совершил три похода в Индию. Он освоил, а затем принес в Страну снегов и перевел на тибетский язык целый ряд тантр, комментариев и методов практики – достаточно много для того, чтобы создать свою духовную традицию Кагью. Впоследствии она окрепла и значительно разрослась. Выдержав испытание временем, Кагью сохранилась до наших дней в виде нескольких крупных тибетских школ и линий преемственности.

Для сегодняшних буддистов, которые в большинстве своем имеют семьи, хорошее образование и работу, а потому не заинтересованы в монашестве, пример Марпы особенно важен. Этот великий духовный деятель никогда не принимал обетов, не следовал монастырским правилам и не требовал этого от своих учеников. Он был мирянином, пил пиво и любил женщин; у него было несколько жен, сыновей и дочерей. Марпа жил полной жизнью, наслаждаясь различными ее сторонами, но все в ней было подчинено его главной задаче – распространению буддизма, обучению людей, сохранению преемственности. Выражаясь в буддийских терминах, скажем, что Марпа всегда твердо знал и никогда не забывал о том, в чем состоит его Прибежище. Мирские радости не могли затмить его важнейшей цели – Просветления ради блага всех живущих.

Среди множества учеников Марпы было четверо наиболее способных «сыновей сердца». Главным же преемником его линии передачи стал Миларепа. Он был совсем не похож на своего учителя. Миларепа – настоящий йогин-отшельник, со всеми внешними и внутренними атрибутами этого образа жизни. С детства узнавший лишения, вынужденный работать на износ, а затем учиться черной магии и искать способ отомстить врагам семьи, он не имел возможности устроить свою мирскую жизнь. Когда же месть свершилась и по его вине погибли 35 человек, Миларепа осознал тяжесть содеянного и понял, что впереди, после смерти, его ждут тяжелейшие страдания, если еще в этой жизни он не очистится и не достигнет Просветления. Но, чтобы прийти к Просветлению за одну жизнь, ему предстояло сделать невероятное: найти мастера, у которого имелись бы такие мощные средства; убедить обретенного наставника передать ему эти поучения; наконец, он должен был практиковать с невиданным усердием, поскольку причиненное им страдание было исключительно велико, а времени на очищение оставалось все меньше.

В те годы ученик уходил к учителю, как невеста в дом будущего мужа, – на всю жизнь и с приданым. Молодые искатели истины несли Ламе свое добро и в последующие годы жили и питались за счет общины, став фактически членами семьи. Очень символичным и смелым жестом щедрости было подарить Ламе свое тело, речь и ум. Так и поступил Миларепа, отыскав наконец Марпу Чёкьи Лодрё.

При встрече ученика и учителя всегда появляются особые знаки – они определяют будущее развитие ученика, указывают на его особые способности, и опытный мастер всегда умеет их читать. Поэтому Марпа специально устроил Миле небольшое испытание – еще не открыв вновь прибывшему свое имя и титулы, попросил допахать поле и допить пиво. Миларепа сделал все наилучшим образом – вскоре земля была вспахана, а в кувшине не осталось ни капли хмельного напитка. Для великого переводчика это означало, что новый ученик сможет впитать всю мудрость, которую способен передать ему Лама, и успешно продолжить его работу.

Марпа был личностью масштабной во всех отношениях. Могучего телосложения, с широко расставленными глазами и крупными руками, он своей силой и повадками напоминал быка. Он владел обширными угодьями, на которых трудились крестьяне, и содержал большую семью; он перевел множество классических трудов по Тантре и написал свои собственные; он основал центр обучения и медитации, где постоянно жил кто-нибудь из его ближайших учеников и куда время от времени стекались толпы паломников издалека и местных селян, чтобы

получить благословение и посвящения. Миларепа, со свойственной ему преданностью предложив в качестве подношения Учителю свое тело, речь и ум, стал частью этого большого мира.

Но Марпа далеко не сразу даровал ему освобождающие методы. Зная, что новый ученик, хотя и обладает нерушимым доверием, но все же обременен тяжелейшими впечатлениями прошлых вредных действий и нуждается в срочном и эффективном очищении, переводчик надел на себя грозную маску – притворился вспыльчивым и непредсказуемым домашним тираном. Он без конца заставлял Миларепу строить и сносить высокие башни, не слушая его жалоб и слезных просьб о поучениях. Этот на первый взгляд сизифов труд позволил Миле «разгрузить» свой ум, растворив большинство болезненных кармических семян, которые иначе крайне затруднили бы его практику.

После долгих тяжелых испытаний Миларепа наконец получил от Марпы наставления в Дхарме и целиком посвятил себя практике, удалившись в отшельничество. Годами он медитировал в пещерах, затерянных в горах, питаясь одной крапивой и прикрывая наготу лишь небольшой полоской полуистлевшей ткани. Его главной практикой были Шесть йог Наропы, и в особенности туммо, йога внутреннего тепла. Затем, когда был обретен определенный уровень постижения природы реальности, Мила Смеющийся Алмаз¹ облачился в белые хлопковые одежды одинокого йогина и отправился странствовать по горам и селениям Тибета. В пути ему встречались люди, которым он при помощи разных искусных средств показывал ценность духовного развития. Обладая высшими и обычными йогическими совершенствами, он показывал чудеса и открывал сердца людей песнями о природе всего сущего. Слава его постепенно распространилась по всему Тибету. Многие приходили к Миларепе за поучениями, некоторые ученики странствовали вместе с ним, причислив себя к «репам» – отшельникам в хлопковых одеждах.

Среди ближайших последователей Милы, чьи имена несколько раз перечисляются в его жизнеописании, наиболее известны двое – Гампопа (1079–1153) и Речунгпа (1083/4–1161). Первого из них Цанг Ньон называет солнцеподобным учеником Милы, а второго луноподобным.

Гампопа – бывший врач из провинции Дагпо. В Кагью считается, что именно его появление предсказал Будда Шакьямуни в «Самадхираджа-сутре», когда, обращаясь к одному из своих учеников, врачу и монаху по имени Кумара, сказал, что в будущем тот снова станет врачом и монахом, но на этот раз в северной стране, и принесет много блага всем, основав школу медитации. Вероятно, Гампопа даже сам помнил это свое предыдущее рождение и рассказывал ученикам о том, как Будда Шакьямуни передал ему эту сутру, – так полагают некоторые его биографы². До встречи с Миларепой Гампопа уже глубоко усвоил некоторые тантры и учение махаянской традиции Кадам, которое принес в Тибет знаменитый Атиша Шри Джняна (982–1054), современник Марпы, и которое впоследствии вошло практически целиком в школу Гелуг. Возможно, основополагающий труд Гампопы «Драгоценное украшение Освобождения», считающийся «энциклопедией постепенного пути» школы Кагью, был начат еще в этот период.

Затем Гампопа получил от Миларепы полное посвящение в Махамудру и Шесть йог Наропы, соединив таким образом сутру традиции Кадам и наивысшие поучения линии Миларепы в один поток. Позднее, став учителем и держателем обеих линий преемственности, Гампопа создал на основе традиций Кадам и «линии практики» школу Дагпо Кагью. Здесь Дагпо – имя местности, где он долго жил, медитировал в отшельничестве и построил первый монастырь; самого Гампопу также называли Дагпо Ринпоче – «Драгоценный из Дагпо».

¹ Mi la bzhad pa'i rdo rje, одно из имен Миларепы.

² Трангу Ринпоче. Царь самадхи. Комментарии к Самадхираджа-сутре и Песне Лодро Тае. М., 2003: 22.

Вклад Гампопы в доктрину «школы практики» невозможно переоценить. Привнесённая в нее Сутра позволила создать более четкую внутреннюю структуру поучений этой традиции и сделать их доступными для многих людей, в том числе не имеющих за плечами долголетнего опыта медитации. Провозглашая, подобно всем своим предшественникам по линии Миларепы, состояние Махамудры плодом духовной практики, Гампопа распределил средства его достижения по трем разделам. Первый, Сутра-махамудра, содержит методы поэтапного развития, накопления заслуги для людей с небольшими способностями и тех, у кого нет тантрических посвящений. Второй, Тантра-махамудра, включает Шесть доктрин Наропы и тантрические медитации; это «путь искусных средств» для людей со средними способностями и сильными страстями. Наконец, третий раздел называется «Махамудра сущности» – это «путь глубокого видения», предназначенный для людей с наивысшими способностями и ведущий к постижению природы ума через медитацию на сам ум.

Гампопа создал в Кагью монашескую традицию. До него в этой школе не было организованных монастырей. Другие традиции Тибета в XII веке уже начали строить монастыри на манер индийских, но, кроме Кадампы и Самье (VIII в.), никто еще не применял систему монастырей «школьного» типа, как Наланда; монастыри существовали в виде небольших компактных поселений монахов-отшельников³. Посвящения давались во время больших церемоний; устные наставления – в более конфиденциальной обстановке, чаще всего при встрече учителя и ученика с глазу на глаз. Ученики Марпы жили и медитировали рядом с ним, помогали по хозяйству и сопровождали его в поездках по Тибету. Ученики Миларепы странствовали вместе со своим мастером, медитировали в пещерах и просили подаяния.

Гампопа, в совершенстве изучив Винаю и обладая недюжинными организаторскими способностями, создал целостную систему обучения Дхарме линии Кагью в Тибете. В своем главном монастыре Даг Лха Гампо он ввел определенные правила монастырской дисциплины для тех, кто хотел принять внешние обеты, и общие стандарты практики медитации для тех, кто должен был двигаться постепенным путем. До него учителя применяли в основном индивидуальный подход к ученикам, которых было относительно немного. Чтобы очистить прошлые вредные поступки, накопить необходимую внутреннюю стабильность, развить преданность и научиться осознавать ум, йогины, от Сарахи до Миларепы, преодолевали различные помехи и трудности, и путь каждого из них был достаточно уникальным. Гампопа же, у которого были, согласно разным источникам, десятки тысяч учеников⁴, не имел физической возможности подобрать особый «ключик» к каждому. Он составил универсальное руководство по поэтапному пути и ввел набор подготовительных медитаций, достаточный любому ученику для того, чтобы подойти вплотную к Шести йогам Наропы или медитации Махамудры. Введение монашеского распорядка и общего для всех учеников постепенного пути практики способствовало значительному росту числа последователей школы Кагью – конечно, без Гампопы эта традиция не была бы такой массовой, оставшись узким эзотерическим течением. Можно сказать, что Гампопа пожертвовал психологизмом ради массовости. Неудивительно, что его непосредственные ученики, чтобы сохранить индивидуальность подхода, основали свои подшколы.

Второй, «луноподобный», ученик Миларепы Речунгпа значительно реже упоминается и цитируется в классических трудах; его отдельных живописных или скульптурных изображений в тибетских монастырях и домах почти не найти. Есть несколько его биографий на тибетском языке, по целому ряду причин недоступных широкому западному читателю. Упоминания о Речунгпе мы находим в жизнеописаниях Миларепы; его имя также часто звучит в устных рассказах буддийских лам – в основном во время церемоний посвящения в важные тантры

³ Железнов А. И. О тибетских традициях в бурятском буддизме // Тибетский буддизм. Теория и практика. Отв. ред. Н. В. Абаев. Новосибирск, 1995: 57.

⁴ Дж. М. Стюарт и некоторые другие называют цифру 51 600 (Stewart Jampa Mackenzie. The Life of Gampopa. New York; Boulder, 2004: 73).

так называемой линии передачи шепотом. Речунгпа присутствует в мандале Второго Кармапы Карма Пакши над головой последнего, то есть на традиционном учительском месте.

В целом до недавнего времени из всей этой информации складывался довольно противоречивый образ Речунгпы. Говорили, что он неоправданно много времени уделял общению с девушками, периодически проявлял излишнюю гордость и не всегда точно следовал указаниям своего Ламы, а иногда даже напрямую делал то, чего Миларепа просил не делать. При поверхностном сравнении рядом с дисциплинированным и уравновешенным монахом Гампопой влюбчивый и самоуверенный Речунгпа выглядел несерьезно. Но несколько лет назад появилась сначала докторская диссертация Петера Алана Робертса, современного ученого британского происхождения, а потом и его книга «Биографии Речунгпы. Эволюция одной тибетской агиографии». Эти работы в буквальном смысле перевернули представления заинтересованного читателя о жизни Речунгпы и его роли в становлении традиции Кагью. Вместо своенравного повесы мы увидели чрезвычайно талантливого и в то же время преданного и последовательного ученика, которого Миларепа, по-видимому, любил больше всех остальных. По крайней мере, великий отшельник видел в Речунгпе особые способности к пониманию и постижению смысла Тантры – и поэтому отправил его в Индию за теми методами, которые не смог полностью принести Марпа-переводчик. Речунгпе было поручено отыскать Типхупу, держателя традиции передачи шепотом, которая когда-то пришла к Тилопе от Дакинью Уддияны. Сам Мила, будучи в преклонном возрасте, пойти за этими поучениями не мог и потому отправил Речунгпу, а когда тот вернулся с победой, Миларепа попросил научить и его тонкостям этих тайных и глубоких практик. Таким образом, Речунгпа не только ученик Миларепы, но в чем-то и его учитель.

Исследуя несколько разных жизнеописаний Речунгпы и отслеживая, как они передавались в Тибете из поколения в поколение, Робертс отмечает, что в некоторых линиях передачи просматривается тенденция постепенно умалять значение Речунгпы. Причина, по которой это случилось, столь же древняя, как сама Дхарма Будды. Любое общество примерно на две трети состоит из людей консервативного склада ума. Буддизм в середине первого тысячелетия до нашей эры возник как движение прогрессивных, свободомыслящих людей, отвергавших многое, что было свято для закоренелой традиционной Индии, – реальность богов, кастовую систему и т. д. Но если ему предстояло стать всеобщим, то он должен был найти в себе достаточно гибкости, чтобы – парадокс! – подходить не только вольнодумцам, но и людям с ортодоксальными умами. Так и случилось – первые нашли в нем свежий ветер свободы и блаженство раскрытия возможностей ума, а вторые – величие монастырей, строгость их уставов и обетов. Для того чтобы выжить и утвердиться в различных общественных системах, буддизм вынужден был опираться на монашеские учреждения и иерархии, а не на организации мирян, и тем более не на йогини-индивидуалистов, свободных от всяких обязательств. Таким образом, практически с самого начала буддийское сообщество было разделено на монахов, которые носили униформу и потому производили впечатление «настоящих» буддистов, и всех остальных, кто не имел таких «знаков отличия». С приходом Учения в Тибет, как пишет Гьялтрул Ринпоче из Гарварда в своей докторской диссертации, посвященной Гампопе, напряжение между этими двумя группами только усилилось⁵. Вполне понятно, что поучения, передававшиеся в монастырях, не должны были восхвалять мирской или йогический путь практики – иначе монахам трудно было бы поддерживать дисциплину. Поэтому из текстов, особенно жизнеописаний, постепенно исчезали наиболее романтические пассажи и истории учителей-женщин, а мирские учителя – основатели линий преемственности – все чаще представляли не слишком зрелыми людьми, подверженными обычным человеческим чувствам. Так, у Цанг Ньона Марпа посто-

⁵ Gyaltrul Rinpoche T. S. Gampopa, the Monk and the Yogi: His Life and Teachings. PhD thesis, Harvard University, Cambridge, Massachusetts, September 2004, p. 2.

янно грустит, чего-нибудь боится и периодически плачет. Хотя в большинстве случаев эти эмоции вызваны разлукой с учителями или необходимостью в одиночку пересечь Гималаи – все же кажется, что биограф сильно преувеличивает впечатлительность героя. Вполне возможно, что в монашеской среде общепринятым было снисходительное отношение к мирянам как к людям эмоционально неустойчивым и падким на соблазны. Этим можно объяснить и «эволюцию» жизнеописаний Речунгпы. Он был независимым йогиним и имел свободные отношения с женщинами, а потому его пример, несомненно, будоражил бы монахов, будь он показан только в положительном свете; поэтому с каждой новой редакцией он становится все более гордым и непослушным. Анализируя несколько разных линий, по которым в Тибете передавались его биографии, Петер Алан Робертс находит множество подтверждений того, что роль Речунгпы в преемственности Кагью была намного более значительной, чем принято считать.

Так и жизнеописания Миларепы, включая труд Цанг Ньона Херуки, представленный ниже, обходят стороной вопрос взаимоотношений великого отшельника с женщинами. В то же время некоторые биографы описывают необычную встречу Миларепы с Церингмой и ее четырьмя бессмертными сестрами. Мастер практикует вместе с этими Дакинями йогу сексуального союза. Он сопровождает медитацию песней, в которой описывает различные качества женщин четырех типов («лотос», «раковина», «картина» и «слониха»), и добавляет, что тантрическая партнерша – одно из наилучших подношений Буддам⁶.

Письменное наследие Миларепы под названием «Сто тысяч песен» по праву считается жемчужиной тибетской литературы. Во многих песнях воспевается наивысший взгляд Алмазной колесницы; другие скорее критического характера – в них Миларепа указывает людям на их заблуждения, мешающие развиваться и постигать истину. Некоторые песни содержат наставления по практике медитации Махамудры. В русских переводах сборники его песен издавались в 2004 и 2011 годах⁷.

Кроме духовных песен, Миларепа уникален в истории школы Кагью необычайным усердием в медитации. Считается, что он, единственный во всей этой традиции, обрел Просветление всего за одну жизнь. Факт столь быстрого достижения цели, особенно у человека, совершившего в молодости массовое убийство, часто становился предметом дискуссий между буддийскими учеными. Они не оспаривали само достижение (которое ни у кого не вызывало сомнений), но оживленно обсуждали его вероятную причину. Некоторые считают, что Миларепа был одним из воплощений индийского Бодхисаттвы по имени Домби Херука (VIII–IX вв.), и в этом причина его быстрого продвижения по пути. Другие же, в полном согласии с поучениями о том, что средства ануттарайога-тантры способны привести практикующего к Просветлению всего за одну жизнь, утверждают, что Миларепа достиг состояния Будды за счет своей преданности учителю и упорства в практике.

Сам великий поэт и отшельник хоть и не отрицал своей преемственности от Домби Херуки, все же избегал лишних разговоров о воплощениях, считая, что это может лишить вдохновения обычных людей. Он говорил: «Дхарма настолько эффективна, что даже такой великий грешник, как я, благодаря уверенности в карме, последовательному отказу от целей мирской жизни и особенно за счет искренней преданности медитации, вошел на ступень, близкую к Просветлению. И уверяю вас, если вы получите посвящение и тайные поучения, которые приносят спонтанное пробуждение, не омраченное концепциями, и если будете потом медитировать под руководством просветленного ламы, то вы, несомненно, достигнете Просветления».

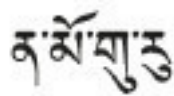
⁶ Simmer-Brown, Judith. *Dakini's Warm Breath: The Feminine Principle in Tibetan Buddhism*. Boston: Shambhala, 2002, p. 231–233. Young Serinity. *Courtesans and Tantric Consorts. Sexualities in Buddhist Narrative, Iconography, and Ritual*. New York&London: Routledge, 2004, p. 156–157.

⁷ Сто тысяч песен Миларепы. Пер. В. Рагимов. М., Алмазный путь, 2004, и Свежесть горного потока. Пер. О. Кривовяз. М., Ориенталия, 2011.

*Е. Леонтьева,
кандидат исторических наук*



Введение



На небесном пути Состояния истины,
В пространстве, изначально свободном от облаков неведения,
Непревзойденное тело формы, защитник дня и ночи,
Светоч, свободный от демонического раху,
Ты бесконечно излучаешь сияние активности, любви и мудрости.

Ты полностью охватил реальность познаваемого
И целиком рассеял мимолетные омрачения,
Скрывающие истину,
У разнообразных существ – и тех, кто на верном пути,
И великих, и всех живущих,
Кого время сводит в местах рождения.
Из-за ядовитых эмоций они приносят вред телом, речью
и умом;

Скандхи непрерывно заставляют их действовать.
Ты помог существам отрешиться от этих переживаний,
Привел их к покою и счастью.
Для этого в год Земляного Дракона
Ты снова оказался на чистой и широкой дороге.
Ты обладатель плода пути, властелин нагов,
В этой жизни известный под именем Миларепа,
Прославленный защитник существ, числом безграничных, как
небо.

Владеющий десятью силами, я простираюсь пред тобой.
Твой ум – великий океан сочувствия.
Твоя Будда-активность для блага всех существ —
Словно далеко расходящиеся волны.
От них разлетаются капли изначального знания и доверия,
Насыщая мир этими сокровищами
И целиком заполняя умы, словно отпечатки копыт.

Рассеяны полностью все страдания, тревожащие эмоции и нищета.
Радость моя подобна мгновенному восторгу пылкого мужчины,
Встретившего в уединенном месте красиво украшенную деву.
Хотя он и стремится соблюдать монашескую дисциплину,
Но замирает перед величием сияющей красоты,
Не в силах ни отвернуться, ни показаться.

Как только это приятное уму жизнеописание,
Подобно красавице, украшенной драгоценностями сочувствия,
Достигло ушей этого счастливого,
Я был совершенно потрясен.

И, чтобы оно, чудесное,
Своим блистательным величием
Заставило вас улыбаться и громогласно смеяться,
Я тут же передаю это празднество слов.

Поэтому, благоуханной водой доверия и усердия
Смыв загрязнение печати секретности,
Ради блага всех живущих преподношу вам эту историю —
Пусть она венчает победное знамя Учения Будды.

Лама и Дакини, прошу вашего позволения!

Итак, родившись среди снегов Тибета, в самом начале жизни Учитель страдал от невзгод сансары, подобных неистовому пламени.

Он вступил на путь прекращения страданий, и даже на мгновение не возникло в нем устремленности к блаженству высших сфер Брахмы и Индры. Упражняясь в отреченности, он был захвачен видением лотосовых качеств Освобождения и всеведения.

Чтобы отдать тело и жизнь во благо Дхармы без малейшего страха и колебаний, он практиковал доверие, усердие, высшую мудрость и сочувствие.

В середине жизни Мила следовал за святым Ламой и в горном уединении обретал опыт, вкушая нектар устных наставлений Учителя. Он связал все свои мешающие эмоции, и возшли ростки опыта и постижения.

Решительно отбросив умом все мирское, он крепко держал победное знамя медитации. Благодаря этим чрезвычайно благоприятным условиям он подстегивал к практике удачливых последователей, свободных от лени и привязанности к мирским явлениям.

Йидамы и Дакини, за которыми он следовал, рассеяли все помехи на пути. Извлекая наивысшее благо из Учения Будды, он распространял его, возвращая опыт и постижение, и стал абсолютным мастером Дхармы.

Он довел до совершенства свою преданность непревзойденной линии преемственности и потому познал тайные наставления сочувственных учителей. Он унаследовал бесчисленные передачи и овладел признаками благословения, не имеющего себе равных.

Он широко породил в себе наивысший Просветленный настрой и произносил слова Будды даже в уши тех, кто из-за сильных потрясений не обладал добрыми кармическими склонностями. Едва звучало его имя, их восприятие менялось: они трепетали, и волосы на их телах поднимались от преданности, а на глаза наворачивались слезы.

Породив семя Пробуждения, ученики могли найти убежище от всеобъемлющего страха перед сансарой и нижними мирами.

Крепко держа в уме важнейшие моменты пути вестниц тайной мантры, побуждаемый небесными танцовщицами, Мастер породил блаженство «мудрости радости», и Дакини стали ему друзьями на пути осуществления.

В конце пути он полностью рассеял две завесы и отбросил все, что нужно было отбросить. Он подошел к черте исчерпания явлений и событий в их первоначальной чистоте. Все

наилучшие качества – сочувствие, мудрость и все остальные – он довел до совершенства и благодаря этому стал самовозникшим Буддой.

Он свободно держался во время дебатов с носителями разных доктрин, буддийских и небуддийских, и в этих спорах проявился как наивысшие знамения победы.

Быстро осуществив непревзойденный путь Алмазной колесницы, он полностью обрел опыт и постижение.

Величественные Даки и Дакини разнесли его неизменную славу во всех десяти направлениях этого мира.

Нисходящая радость, протекавшая в его теле к пальцам ног, и восходящая радость, поднимавшаяся к макушке, породили абсолютную радость обретения плода.

Сами собой распутались тонкие и грубые узлы в трех важнейших энергетических каналах, открылись четыре чакры. Так Мастер полностью овладел сущностью центрального канала.

Поэтому он беспрепятственно открыл для себя наивысший смысл Трех корзин, двенадцати разделов сутр и четырех классов тантр и облек его в ваджрные песни постижения.

Весь явленный мир он переживал как Состояние истины, без сомнений и цепляния.

Он изучил внутреннее осознание ума, и потому все внешние явления и обусловленные вещи возникали для него как духовные тексты.

Сила его мудрости и сочувствия была неизмерима, и он мог вести к зрелости и Освобождению даже животных.

Не принимая и не отрицая восьми мирских забот, не стремясь угодить другим ради личной выгоды, Мила стал безмятежным и блистательным Прибежищем для всех людей и богов.

На глубоком пути он стал медитировать с величайшим усердием и удостоился почитания со стороны его спутников, истинных Бодхисаттв; в этом не было ему равных.

Он постиг на опыте отсутствие реального «я» и, как рычащий лев, навсегда громогласно изгнал оленя порочных воззрений.

Необузданный снежный лев, он царственно бродил среди горных вершин, в пространстве без центра и края.

На внутреннем уровне он в совершенстве освоил сосредоточенную медитацию, а на внешнем – подчинил себе враждебные силы четырех элементов природы, сделав их своими друзьями.

Благодаря могуществу ума и тонких энергий, он умел скользить по небу, как птица: ходить там, лежать и сидеть.

Он порождал из своего тела бушующее пламя и потоки воды, превращался во все, в чем нуждались существа, и так далее. Своей волшебной способностью принимать много разных форм он умел менять ложные воззрения запутанных людей и утверждать абсолютно верный взгляд, медитацию, поведение и цель.

Получив блистательные Четыре посвящения, Мила достиг абсолютного мастерства, и в 24-х местах его ваджрного тела собирались облака Даков и Дакинь. Сам он стал Херукой, возглавив их собрания.

Решительностью и бесстрашием он затмил восемь армий богов и демонов, и с тех пор они выполняли все его приказы, совершая четыре вида деяний Будды.

Он познал, что все аспекты явлений имеют природу пустоты и Ясного света.

Он был врачом, исцелявшим хронический недуг пяти ядов ума целебным средством пяти видов просветленной мудрости.

Мастер звука, он расшифровал смысл приятного или неприятного природного звучания внешних и внутренних элементов и узнал в них единство проявления и пустоты.

Мастер безошибочного восприятия, он ясно видел все доброе и недоброе, что было сокрыто в человеческих умах и вне их; он непосредственно постиг, что все познаваемое лишено собственной сущности.

Он, великий ученый, познавший сущностную истину, – что все внешние объекты принадлежат осознанию ума; что ум изначально есть не что иное, как нерожденный и пустой Ясный свет, а его внутренне присущий потенциал неиссякаемого проявления самоосвобождается как неотделимый от трех Будда-состояний.

Благодаря силе своего волшебства и совершенно незапятнанным действиям он мог мгновенно оказываться в бесконечных Будда-полях всеобъемлющей ясности, в Чистых странах, где обучают Дхарме все Будды и Бодхисаттвы. Там и была услышана эта история. Тем самым Учитель выполнил свою великую задачу в энергополях Будд.

Он появлялся в шести мирах, принимая соответствующие формы, и обучал существ с помощью близких и понятных им жизненных примеров и аналогий, при этом передавая смысл Дхармы именно так, как это видели Будды. Тем самым он приводил многих к созреванию и Освобождению.

За одну жизнь и в одном теле он достиг уровня великого Будды Ваджрадхары, осуществил Четыре состояния и обрел Пять видов мудрости.

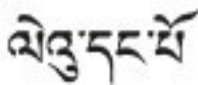
Подлинный Бодхисаттва, из бесконечного сочувствия вращая колесо непревзойденной Дхармы, он избавлял бесчисленных существ от невыносимого страдания. Спонтанно проявляя Четыре Будда-состояния великого блаженства, он многим помог вступить в город Освобождения и остаться там.

Имя прославленного Милы Смеющегося Алмаза известно повсюду, как солнце и луна. Деяния его были чудесными и поразительными. Появляясь перед достойными учениками, он давал непостижимые и неопишуемые поучения.

Это жизнеописание неспособно отразить все его величие, ведь и самых обычных учеников он наставлял так, что это невозможно ни представить, ни охватить концептуальным умом.

История Мастера состоит из двух частей: в первой описываются его мирские дела, а во второй – деяния, ведущие к покою и Освобождению.

Часть I



Первая часть содержит три главы; в них повествуется о первых годах жизни Милы. Эти строки помогут нам понять, какие обстоятельства и чувства толкнули героя на вредные поступки.

из главы первой мы узнаем о том, как великий йогин Мила начал рассказывать свою историю в кругу учеников. Мы услышим вступление о родовом имени Милы, происхождении его семьи и обстоятельствах рождения.

в главе второй речь пойдет о том, как после смерти отца Мила, его мать и сестра оказались в окружении враждебно настроенных родственников, были обречены на внешнюю и внутреннюю нищету и познали невыносимые страдания.

в главе третьей Мила по настоянию матери разыщет искусного учителя магии. Чародея глубоко тронет рассказ о страданиях юноши, и тот обучит его своим приемам. Выполняя обещание, данное маме, Мила колдовскими средствами уничтожит множество врагов, но этим его злодеяния не ограничатся – одни вредные дела повлекут за собой другие...



Глава первая Рождение

།། དང་པོ་ལ་གདུང་ལ་མི་ལར་བདག་པའི་རྒྱ་མཚན་ཡབ་མེས་བརྒྱུད་པའི་བྱང་
བྱངས་དང་བཅས་ཏེ་སྐྱེ་བལྟམས་པའི་མཛད་པ།

О, чудо! Прославленный Мастер Мила Смеющийся Алмаз пребывал в своем жилище, пещере под названием Дрёпа Пхуг в Ньянанге. Вокруг величайшего Херуки среди всех йогин собралась выдающиеся ученики и последователи, пробужденные йогини и Бодхисаттвы: Репа Шива О, Репа Нгендзонг, Репа Себан, Репа Кхьир, Репа Дригом, Репа Ленгом, Репа Сангье Кьяб, Репа Шенгом, Дампа Гьяг Пхува, мастер Шакьягуна и другие. Там присутствовали также ученицы Легсе Бум, Шен Дормо и другие. Здесь же находились Пять бессмертных сестер и Дакини, достигшие уровня невидимых воплощений. Собрались также боги и обычные мужчины и женщины. Согласно наставлениям высших колесниц, Учитель привел в движение Колесо священного Учения.

В это время йогин Речунг уединился в своей хижине для медитации. Всю ночь ему снился один и тот же сон: в чудесной стране Дакинъ под названием Оргъен, или Уддияна, он прибыл в прекрасный город, где стены и крыши домов были усыпаны драгоценностями. Местные жители были невероятно прекрасны. Они носили шелковые одежды и украшения из кости и самоцветов, а вместо слов обменивались взглядами и радостно улыбались.

Среди них была ученица Ламы Типхупы – Бхарима, с которой Речунг когда-то познакомился в Непале. Одета в красное, она выглядела как повелительница всех горожан. Она сказала Речунгу:

– Наконец-то ты пришел, племянник. Добро пожаловать!

С этими словами девушка повела его во дворец, возведенный из драгоценных камней и наполненный бесчисленными сокровищами, радующими глаз. Она отнеслась к Речунгу как к почетному гостю и устроила в его честь богатое пиршество с разнообразными яствами и напитками.

После этого Бхарима промолвила:

– Сейчас в нашей стране Оргъен дает поучения Будда Акшобхья – Непокколебимый. Племянник, если хочешь послушать, я спрошу его позволения.

– Да-да! Конечно! – ответил Речунг, страстно желая услышать наставления, и они вместе отправились к Будде Акшобхье.

В центре города Речунг увидел огромный великолепный трон из драгоценностей. На нем восседал Непокколебимый. Он сверкал всеми цветами радуги и был намного прекраснее, чем представлялся йогину в медитации. Будда учил в окружении океана слушателей. От такого зрелища у Речунга, опьяненного радостью, закружилась голова. Бхарима сказала ему:

– Племянник, подожди здесь.

Она приблизилась к Будде и, получив его одобрение, подвела Речунгу к драгоценному трону. Йогин простерся перед Просветленным и попросил благословения. После этого он расположился прямо у ног Акшобхьи, чтобы слушать Дхарму.

Улыбаясь, Будда пристально смотрел на него, и Речунг подумал: «Он относится ко мне с сочувствием». Пока молодой йогин слушал повести о рождениях и жизненном пути Будд и Бодхисаттв, волосы на его теле встали дыбом, а сердце наполнилось глубоким доверием.

Наконец Акшобхья рассказал о Тилопе, Наропе и Марпе, и эти истории были еще удивительнее предыдущих. Все присутствующие, преисполнившись преданности, обратились в слух.

Заканчивая свою речь, Будда произнес:

– Завтра я расскажу историю Миларепы; она не сравнится с теми, которые я поведал сегодня. Приходите все ее послушать.

Тогда некоторые ученики воскликнули:

– Если бывают истории еще более поразительные, чем эти, то чудесам поистине нет границ!

Другие ответили:

– Все эти добрые качества – плод духовной заслуги. Она накапливается в бесчисленных рождениях благодаря избавлению от заблуждений и желаний. Миларепа же достиг такого совершенства в течение одной жизни.

Тогда первые признали:

– Значит, мы окажемся ничемными учениками, если не попросим Будду дать столь замечательные поучения ради блага всех. Мы должны приложить искренние усилия и проявить смелость, чтобы получить их.

Вторые спросили:

– Где сейчас Миларепа?

Кто-то ответил:

– Он или в Чистой стране Нгёнга – сфере Подлинной радости Будды Акшобхьи, или в Чистой стране Огмин – сфере Будды Вайрочаны.

Тогда Речунг подумал: «Вообще-то мой Учитель живет в Тибете. Все эти разговоры служат лишь тому, чтобы пробудить во мне духовное рвение. Поэтому ради блага существ я непременно должен попросить, чтобы Мастер рассказал историю своей жизни». Пока Речунг размышлял, Бхарима взяла его за руку и встряхнула со словами:

– Племянник, ты все понял!

Когда Речунг проснулся, начинало светать. Он почувствовал, что его внутренние ощущения никогда не были столь ясными, а сосредоточение – устойчивым. Вспоминая сон, он продолжал размышлять: «Я слышал, как Будда Непокколебимый давал поучения среди Дакинй Уддияны. Это поражает воображение! Но еще более удивительно то, что в этой жизни я встретил своего досточтимого наставника Милу. То, что мне удалось во сне посетить Оргьен и послушать Будду, есть не что иное, как благословение моего прославленного Учителя. Я узнал, что Миларепа пребывает либо в Чистой стране Акшобхьи, либо в Чистой стране Вайрочаны».

Затем йогин отчитал самого себя: «Как глупо думать, что Учитель живет в Тибете! Это столь же неуважительно, как и возносить себя до его уровня. Во-первых, тело, речь и ум Учителя – это воплощение тела, речи и ума Будды. Его действия непостижимо велики и совершенны. А ты, невежественный дурак, забыл, что где бы Мастер ни находился, это место всегда будет или Огмин, или Нгёнга. Тот, кто давал поучения в моем сне, и те, кто их слушал, – Бхарима и другие, – ясно дали понять, что я должен попросить Мастера поведать его историю. Так что я спрошу».

В тот же день он решил обратиться к Учителю с открытым сердцем, чувствуя необычайное благоговение, пронзавшее его до мозга костей. Пребывая в состоянии глубочайшей медитации, где ясность сменялась оцепенением, он увидел пять прекрасных молодых девушек, представших перед ним в одеждах и коронах Уддияны. Одна была белого цвета, остальные – синего, красного, желтого и зеленого. Одна из девушек произнесла:

– Завтра Миларепа расскажет историю своей жизни. Мы хотим прийти послушать ее.

– Кто его попросит об этом? – спросила вторая.

– Это сделают великие духовные сыновья, – ответила третья.

Все они смотрели на Речунга с улыбкой. Одна из девушек прибавила:

– Все будут счастливы услышать такие чудесные поучения. Каждая из нас должна попросить об этом в молитвах.

– Самые достойные ученики попросят рассказать эту историю. Что же касается нас, то мы будем широко распространять и защищать это Учение, – продолжила другая.

После этих слов девушки растворились в пространстве подобно радуге.

Речунгпа медленно приходил в себя. Небо наполнялось сиянием восходящего утреннего солнца. Всем сердцем он ощутил, что это сами Пять бессмертных сестер указали ему во сне верное направление.

Пребывая после глубокой медитации в состоянии ясного осознания, Речунг приготовил себе завтрак. Затем, полный доверия и радости, он отправился на поиски Миларепы и нашел его в пестрой толпе монахов, учеников и мирских последователей. Речунг простерся перед Мастером и осведомился о его здоровье. Не вставая с колен, он сложил руки у сердца и обратился к Учителю с просьбой:

– Досточтимый, давным-давно ради блага чувствующих существ Будды прошлого поведали о двенадцати подвигах их жизней и о других непостижимых свершениях Освобождения. Так Учение Будды распространилось по всему миру. В наши дни счастливые искатели истины могут стремиться к Освобождению, руководствуясь историями жизни Тилопы, Наропы, Марпы и других великих лам, которые сами о себе рассказали. Драгоценный Мастер, прошу тебя: чтобы порадовать нас, твоих сыновей сердца, и с сочувствием позаботиться о счастливых, которые пойдут твоим путем в будущем, а также направить всех бесчисленных существ к созреванию и Освобождению, – с великой любовью в сердце расскажи нам об истоках твоего рода, о твоей жизни и деяниях!

Улыбаясь, Учитель ответил:

– Раз ты просишь меня, Речунг, я исполню твое пожелание. Мой клан называется Кхьюнпо, мое родовое имя Джосэ, а сам я – Миларепа. В юности я совершил множество темных дел. В зрелости я смиренно практиковал. Теперь, освободившись от двойственности добра и зла, я уничтожил основу для кармических действий, и поэтому в будущем они не совершатся. Если я скажу больше, кого-то это позабавит, а кто-то найдет множество причин для смеха. Поделюсь я своей историей или нет – пользы будет мало. Я стар, так что оставь меня в покое. Так он говорил.

Речунгпа простерся перед ним и взмолился:

– Драгоценный Учитель, сначала посредством великого аскетизма ты упорно и неустанно практиковал согласно полученным тайным наставлениям. Полностью посвятив себя медитации, ты обрел йогические совершенства, полностью постиг истинную природу всего сущего и подошел к черте исчерпания явлений. В будущем ты никогда не совершишь вредных поступков, не переживешь их плодов и будешь действовать на благо всех – это чудесно! Поэтому нам интересен твой клан Кхьюнпо и род Джосэ. Почему тебя при рождении назвали Милой? Почему темные поступки твоей юности и добрые деяния зрелости могут забавлять и смешить? Пользу от такого рассказа невозможно охватить мыслью. Подумай с любовью и сочувствием о нас и всех существах и не останься безучастным к нам телом, речью и умом. Пожалуйста, поведай нам подробно свою историю. Всех нас, братья и сестры на пути, привела сюда преданность. Присоединитесь ко мне в этой просьбе.

Произнеся это, Речунг сделал несколько простираний. Все ближайшие ученики, духовные сыновья и преданные последователи простерлись вместе с ним, повторяя ту же просьбу к Учителю – повернуть колесо Учения.

Тогда досточтимый Мастер сказал:

– Раз вы просите меня с такой настойчивостью, я не стану скрывать от вас историю своей жизни и все расскажу. Моя семья происходит из великого клана скотоводов центрального Севера. Его называют Кхьюнгпо. Моим предком был Джосэ, сын ламы из традиции Ньингма. Вдохновившись своим Йидамом и повторяя его мантру, он обрел великую духовную силу. Также он посетил все святые земли и места силы.

На Севере, в Верхнем Цанге, его пригласили в деревню Чунгпачи. В тех землях он усмирял злых демонов. Благодаря своей духовной силе сын ламы помогал многим существам, и поэтому его влияние росло. Под именем Кхьюнгпо Джосэ он прожил там несколько лет. Его приглашали всегда, когда кто-то заболел.

Однажды в округе появился ужасный демон. Он держался подальше от Джосэ, так как не мог ему противостоять. Это вредоносное существо докучало одной семье, но она не имела доверия к Джосэ и потому обратилась за помощью к другому ламе. Однако демон не унимался – насмехаясь над всеми, он продолжал их мучить.

Один дальний родственник, тайно доверявший Джосэ, посоветовал послать за ним, сказав, что «и собачий жир хорош, если он лечит раны». Им больше ничего не оставалось, как послушаться.

Представ перед демоном, сын ламы выпрямился и громогласно сказал:

– Я – Кхьюнгпо Джосэ. Я буду есть плоть демонов и пить их кровь!

Крикнув это, он рванулся вперед. Демона охватила паника, и он завыл в ужасе:

– Папа, Мила! Папа, Мила!

Джосэ приблизился к нему, и демон воскликнул:

– Я всегда сторонился тебя, чтобы уберечь свою жизнь!

Джосэ прогнал его, но прежде заставил поклясться, что тот никогда больше не причинит никому вреда.

С этого момента все стали называть Джосэ «Мила», считая, что это имя теперь принадлежит ему. Джосэ сохранил его для потомков. После того как демон перестал чинить напасти, все решили, что он переродился в другой сфере существования.

Вскоре Кхьюнгпо Джосэ женился, и у него родился сын. У его сына было двое наследников. Старшего он назвал Мила Дотён Сэнге, то есть Лев, Обучающий Сутрам. У того родился сын Мила Дордже Сэнге, то есть Ваджрный Лев.

Юноша был очень умен и благодаря своему таланту постоянно выигрывал в кости. В той местности жил один отпрыск богатой семьи, который тоже хорошо играл, но зачастую жульничал. Однажды, чтобы оценить силу противника, он начал игру с небольших ставок. В тот день он сделал все необходимое, чтобы выиграть. Рассерженный Дордже Сэнге сказал ему:

– Завтра я выведу тебя на чистую воду.

– Очень хорошо, – ответил тот.

Мошенник повысил ставки и позволил победить себя трижды. После этого он сказал:

– Теперь я должен отыграться.

Оба сделали ставки – поставили на кон свои поля, дома и прочее имущество. Они составили договор, подписали его и начали игру. Мошенник выиграл и забрал все. Отныне он владел полями, домами и всем иным имуществом Милы.

Вслед за этим оба Милы – отец и сын – покинули те земли. Они прибыли в деревню Кыя Нгаца в Гунгтханге, около Мангьюла, и там обосновались. Местные жители приглашали отца, Милу Дотёна Сэнге, в свои дома – читать священные книги, делать подношения жертвенных фигурок ца-ца, защищать жилища от ураганов и беречь детей от злых духов. Его услуги пользовались спросом, и он собрал много даров. Зимой Мила Дордже Сэнге уезжал по делам на юг Непала. Летом он возвращался с пастухами на Север. По незначительным делам он ходил в Мангьюл и Гунгтханг. Вскоре отец и сын накопили большое богатство.

Мила Ваджрный Лев полюбил девушку из деревни и женился на ней. У них родился сын, которого назвали Мила Шераб Гьялцен, что значит Знамя Мудрости. Когда мальчик почти достиг зрелости, его дед Дотён Сэнге скончался, а отец Дордже Сэнге продолжил торговать, еще больше увеличил свое состояние и стал богаче прежнего.

В окрестностях Ца проживал человек по имени Орма, владевший участком плодородной земли треугольной формы. Привезя золото и товары с Севера и Юга, Мила Ваджрный Лев купил это поле и назвал его Плодородным Треугольником.

На краю поля стояли руины дома, принадлежавшего его соседу. Мила купил их и заложил фундамент усадебного дома. Пока строилась усадьба, его сыну Знамени Мудрости исполнилось двенадцать лет.

В Ца жила очень красивая девушка из благородной семьи Ньянг. Ее звали Белая Драгоценность. Она искусно вела хозяйство, была глубоко предана друзьям и так же глубоко ненавидела врагов. Мила Шераб Гьялцен женился на ней и дал ей имя Ньянгца Каргьен, что значит Белая Драгоценность из Ньянга.

После этого они продолжили строительство усадебного дома. На третьем этаже разместился внутренний дворик, амбар и кухня. Этот дом был самым красивым в Кья Нгаца. В нем было четыре колонны и восемь сводов, и его так и называли – Четыре Колонны и Восемь Сводов. Отец и сын жили в нем, наслаждаясь счастьем и сохраняя доброе имя.

Вскоре слава этих мужчин из Чунгпачи дошла до двоюродного брата Милы Ваджрного Льва по имени Юнгдрунг Гьялцен, что значит Неизменное Знамя Победы. Тогда он покинул свой край и прибыл в Кья Нгаца с женой, детьми и сестрой по имени Кхьюнгца Палдрен, что означает Славная Соперница из Кхьюнга.

Мила Шераб Гьялцен привез много товаров с юга и отправился их продавать на север, к пику Тигра. Он долго отсутствовал. Белая Драгоценность в то время была беременна. Я родился у нее в год Водяного Дракона под Победной звездой восьмого созвездия на 25-й лунный день. Мать отправила моему отцу записку, в которой говорилось: «В период жатвы я родила сына. Приезжай скорее, чтобы дать ему имя и отпраздновать именины». Получив письмо, мой отец преисполнился радости. Он воскликнул:

– Как чудесно! У меня уже есть имя для сына! Ведь в нашем роду никогда не было более одного наследника в одном поколении. Своего сына я назову Тхёпага, то есть Добрая Весть, так как его появление – это поистине добрая весть.

Так я получил имя. В честь моих именин устроили праздник.

Я рос в любви, знал только добро и был счастлив. Поэтому все говорили:

– Добрая Весть получил подходящее имя.

Когда мне было четыре года, моя мать родила девочку, которую называли Пета Гёнкьи – Счастливая Защитница. Я помню, что ее шелковистые волосы, струящиеся по плечам, отливали золотом, а мои – бирюзой.

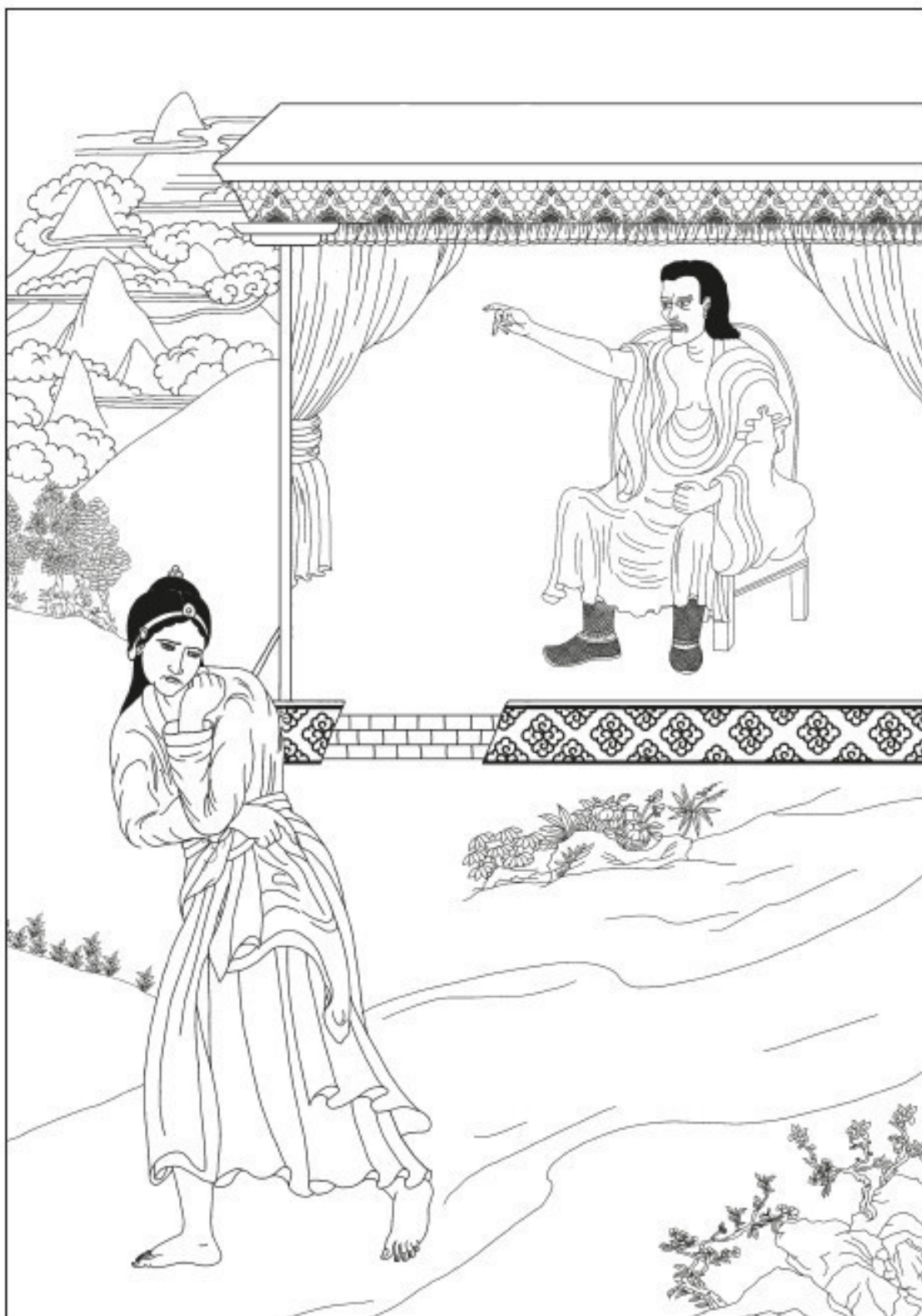


В тех землях к нашим словам прислушивались. Мы были уважаемы и влиятельны. Поэтому местная знать старалась дружить с нами, а крестьяне были услужливы. Впрочем, втайне жители деревни часто судачили о нас:

– Эти чужаки поселились на наших землях, а теперь стали богаче и величественней любого из нас. Вы только посмотрите, какой у них дом, какие земли и скот! И что за драгоценности носят мужчины и женщины в этой семье!

Исполнив все, о чем он мечтал в этой жизни, Мила Ваджрный Лев умер. Ему устроили пышные похороны.

Так говорил Миларепа. На этом заканчивается первая глава, повествующая о его происхождении.



Глава вторая Юность

༥༥ གཉིས་པ་ལ་གཞིན་ནུ་ལ་ཡབ་སྐྱེ་ཐིམ་པས་ཉི་དྲུག་གར་ལངས་ཏེ་ཕྱིན་ང་གི་
ལོངས་སྤྱོད་ཀྱན་དང་བྲལ་ཞང་སྤྱག་བསྐྱེལ་གྱི་བདེན་པ་ལུ་ཕྱིན་ཐུགས་ཉམས་སུ་
བཞེས་པའི་མཛེད་པ།

Речунг спросил:

– Учитель, ты говорил, что страдал от многих несчастий после смерти отца. Расскажи нам об этих бедах.

Так он обратился к Учителю, и тот продолжил:

– Когда мне было около семи лет, мой отец слег от ужасного недуга. Доктора и маги говорили, что он уже не поправится, и отказывались его лечить.

Родственники и друзья тоже знали, что отцу осталось недолго. Он и сам был уверен, что умрет. Тогда у его ложа собрались наш дядя Юнгдрунг Гьялцен, тетя Кхьюнгца Палдрен, все родственники, близкие и дальние друзья и соседи.

Мой отец согласился передать семью и дела на попечение доверенному лицу. Он составил подробное завещание, чтобы быть уверенным, что позже наследство достанется его сыну. Он зачитал свою волю громко, чтобы слышали все:

– Я хочу внести ясность. Если я не поправлюсь от моей нынешней болезни, то до тех пор, пока мой сын еще слишком молод, согласно договоренности, я вверяю его заботе родственников и друзей – в первую очередь его дяде и тете. В горах пасутся мои животные – яки, лошади и овцы. В долине лежат мои владения: поле Плодородный Треугольник и несколько других участков земли – предмет зависти бедняков. В загоне для скота у меня есть коровы, козы и ослы. В верхней кладовой сложена домашняя утварь из золота, серебра, меди и железа, а также сундуки с бирюзой, шелком и зерном. Этого вполне достаточно, чтобы ни в чем не нуждаться. Возьмите сверху какую-то часть, чтобы покрыть затраты, связанные с моей скорой смертью. Что касается остального, то я вверяю это вам до тех пор, пока мой сын не повзрослеет и не сможет самостоятельно распоряжаться имуществом. Я оставляю мальчика на попечение дяди и тети. Когда он достаточно повзрослеет, чтобы взять на себя ответственность за собственную семью, пусть женится на Дзесэ, с которой обручен с самого детства. Тогда они получают все мое добро без остатка, и сын вступит во владение наследством. Вплоть до того дня пускай дядя, тетя и ближайшие родственники заботятся о моих детях и их матери и в горе, и в радости. Не обрекайте их на нищету. Я буду зорко следить за вами из мира мертвых.

Вымолвив это, он скончался.

Потом состоялись похороны. Почти все, кто слышал прощальные слова моего отца, были единодушны во мнении о том, как поступить с его имуществом. Они в один голос сказали:

– Белая Драгоценность, распоряжайся всем сама. Поступай так, как сама считаешь нужным.

Только дядя и тетя думали иначе. Они стали убеждать маму:

– Они все – просто друзья. Мы же больше чем друзья. Мы самые близкие для тебя люди. И мы никогда не причиним вреда тебе и твоим детям. Согласно завещанию распоряжаться вашей собственностью будем мы.

Не слушая возражений моего дяди со стороны матери и не обращая внимания на протесты семьи Дзесэ, Юнгдрунг Гьялцен забрал все мужские вещи, а Кхьюнгца Палдрен взяла женские. Остальное они поделили пополам. После этого дядя и тетя сказали:

– Вы, мать и дети, будете по очереди служить нам.

С тех пор мы больше не обладали своим имуществом. Летом мы работали в поле на дядю. Зимой, обрабатывая шерсть, мы прислуживали тете. Мы питались хуже собак, а трудились больше ишаков. Из одежды родственники оставили нам лишь несколько тряпок, которые мы перекидывали через плечо и связывали на груди веревками из травы. Мы работали на износ, поэтому наши руки и ноги покрылись синяками и мозолями. Волосы, когда-то струившиеся золотистыми и бирюзовыми локонами, поредели и поблекли. В них завелись гниды и вши. От плохой пищи мы побледнели и высохли. Все, кто не был лишен сострадания, видя нас или слыша нашу историю, проливали слезы и втихомолку проклинали дядю и тетю. Однажды мама, угнетенная нищетой до крайности, в сердцах крикнула тете:

– Ты больше не Славная Соперница из Кхьюнга, а скорее Дюмо Тагдрен – Демоница Подобная Тигру!

Это прозвище закрепилось навсегда. В те дни была распространена поговорка: «Когда домом правит самозванный хозяин, настоящего изгоняют, как собаку». Эти слова точно описывают нашу участь.

В те дни, когда отец Мила Знамя Мудрости был с нами, все вокруг – и сильные, и слабые – участливо спрашивали, радостно нам или грустно. Ныне жестокие родственники по-царски разбогатели, и всех интересовало лишь их настроение.

Когда-то один человек сказал о моей матери: «При богатом муже и жена хороша, как добротная одежда из мягкой шерсти». Когда отец был хозяином жизни и держался достойно, Белая Драгоценность слыла отважной и мудрой женщиной, умело распоряжалась домом. Но теперь все обстояло так, как в этой пословице. Мама стала слабой и робкой, и даже бывшие слуги насмехались над нами. Правду гласит народная мудрость, что «страдания одного – другому забава».

Как-то родители Дзесэ дали мне новые сапоги и одежду.

– Не думай, что ты беден, раз твое богатство исчезло, – поддержали они меня. – Говорят, что все мимолетно, как роса на лугу. Многие твои предки долго были нищими. Потерпи: скоро изобилие вернется к тебе.

Наконец мне исполнилось пятнадцать лет. К тому времени у матери во владении осталось лишь одно поле, подаренное ей родителями в качестве приданого. Называлось оно не очень благозвучно – Треде Тенчунг, то есть Маленький Шерстяной Коврик, – и никогда не давало хороших урожаев. Мой дядя со стороны матери обрабатывал его в одиночку, старательно собирая все до последнего зернышка.

Он тайком продал излишек урожая, чтобы купить много мяса. Из белого ячменя смололи муку, из коричневого сварили пиво. Все готовились к торжествам, приуроченным к передаче наследства нам – Белой Драгоценности и ее детям. Моя мать одолжила ковры и выстелила ими наш дом Четыре Колонны и Восемь Сводов.

В первую очередь она пригласила дядю и тетю, потом – близких родственников и друзей и, наконец, всех остальных, кто знал о последней воле моего отца Милы Знамени Мудрости. Дяде и тете она приготовила в подарок целую тушу, а остальные, согласно положению, получили четверть или треть от четверти животного.

Подав пиво в фарфоровых чашах, мать встала посреди этого собрания и сказала:

– Когда рождается сын, ему дают имя. Когда приглашают гостей на праздник, значит, пришло время поговорить. Всем присутствующим у меня есть что сказать – дяде, тете и тем, кто помнит последние слова Милы Знамени Мудрости.

Когда ее брат зачитал завещание, она продолжила:

– Мне нет нужды объяснять старшим, собравшимся здесь, последнюю волю моего покойного мужа. До сего дня дядя и тетя брали на себя все тяготы, направляя нас – мать и детей – в жизни. Теперь же мой сын и Дзесэ достаточно зрелые, чтобы жить в собственном доме. Поэтому я прошу вас вернуть имущество, которое было вам доверено. Пускай мой сын женится на Дзесэ и получит наследство – так, как гласит договор.

Таковы были ее слова. Дядя и тетя, которые все время сердито препирались друг с другом, теперь сплотились в своей жадности. В один голос они возразили:

– Разве у тебя есть имущество? И где же оно? В прежние времена, когда Мила Знамя Мудрости был в добром здравии, мы одолжили ему дом и поля, золото и бирюзу, дзо и лошадей, яков и овец. Перед смертью он вернул все это законным хозяевам. Владеешь ли ты хоть песчинкой золота? Хоть горстью масла? Хоть одной рубашкой или клочком шелка? Мы не видели у тебя даже копыта от животного. Кто написал это завещание? Мы были столь великодушны, что кормили вас, осиротевших и нищих, чтобы вы не умерли от голода. Как гласит народная мудрость: «Пока у скупца будут силы, он будет считать даже воду».

Сказав это, дядя громко вздохнул, высморкался, резко встал, шелкнул пальцами, отряхнул подол платья, топнул ногой и прокричал:

– И даже дом этот принадлежит мне! Так что, сиротки, выметайтесь отсюда!

Он ударил мать по лицу и тут же замахнулся на нас с сестрой широким рукавом пыльной чубы.

Мать зарыдала в голос:

– Мила Знамя Мудрости, посмотри на свою семью! Ты обещал, что будешь оберегать нас, зорко глядя из мира мертвых. Видишь, что происходит?

Она упала и стала кататься по земле. Мы были еще детьми и не могли ничего сделать, кроме как тоже плакать. Мамин брат не посмел за нас заступиться, опасаясь сыновей дяди. Односельчане из тех, кто любил нас, робко говорили, как им нас жаль, и глаза у всех увлажнились. Прочие лишь глубоко вздыхали.

Дядя и тетя сказали мне:

– Ты готов удавиться за свое наследство, но посмотри, как безрассудно ты проматываешь чужое добро! Ты устроил пир для соседей и друзей, не заботясь о том, сколько наших средств потрачено на пиво и мясо! Мы вовсе не так состоятельны. Впрочем, даже будь мы сказочно богаты, то все равно не отдали бы тебе ничего, жалкий сирота. Так что, если вас много, то идите на нас войной, а если мало – насылайте заклятие.

Они вышли, хлопнув дверью. Их приятели тоже удалились. Мать безутешно рыдала. Родители Дзесэ и наши друзья уговаривали ее:

– Не плачь. Слезами горю не поможешь. Попроси немного у всех, кто пришел на праздник, и каждый даст тебе, что нужно. Возможно, даже Юнгдрунг Гьялцен и его демоница чем-нибудь поделятся.

Мамин брат добавил:

– Послушайся нас. Отправь сына учиться, а вы с дочерью можете жить у меня и работать на моих полях. Всегда хорошо заниматься чем-то полезным, чтобы не выглядеть никчемной перед врагами.

– Даже лишившись всего, – ответила мать, – я сама растила детей и никогда не просила помощи у этих родственников. Я сделаю все, чтобы дать своему одаренному сыну образование. Нам не нужны подачки от них в виде моей же муки и мяса. Мы пойдем на звук барабана и на

запах дыма⁸. Мы покажем всему миру, что у них на уме. Когда-нибудь я сама буду возделывать свою землю.

В ближайшей местности Ца была деревня под названием Скала, Похожая на Череп. Там жил мастер старой тантрической традиции Ньингма, который прославился знанием ритуала Восьми нагов. Именно к нему меня отправили учиться грамоте. Все родственники понемногу помогали нам с матерью. От родителей Дзесэ я получил запасы масла и дров. Они даже послали Дзесэ в Ца, где я учился, – чтобы хоть как-то меня утешить. Мамин брат кормил нас, чтобы матери с сестрой не пришлось просить милостыню или прислуживать чужим людям.

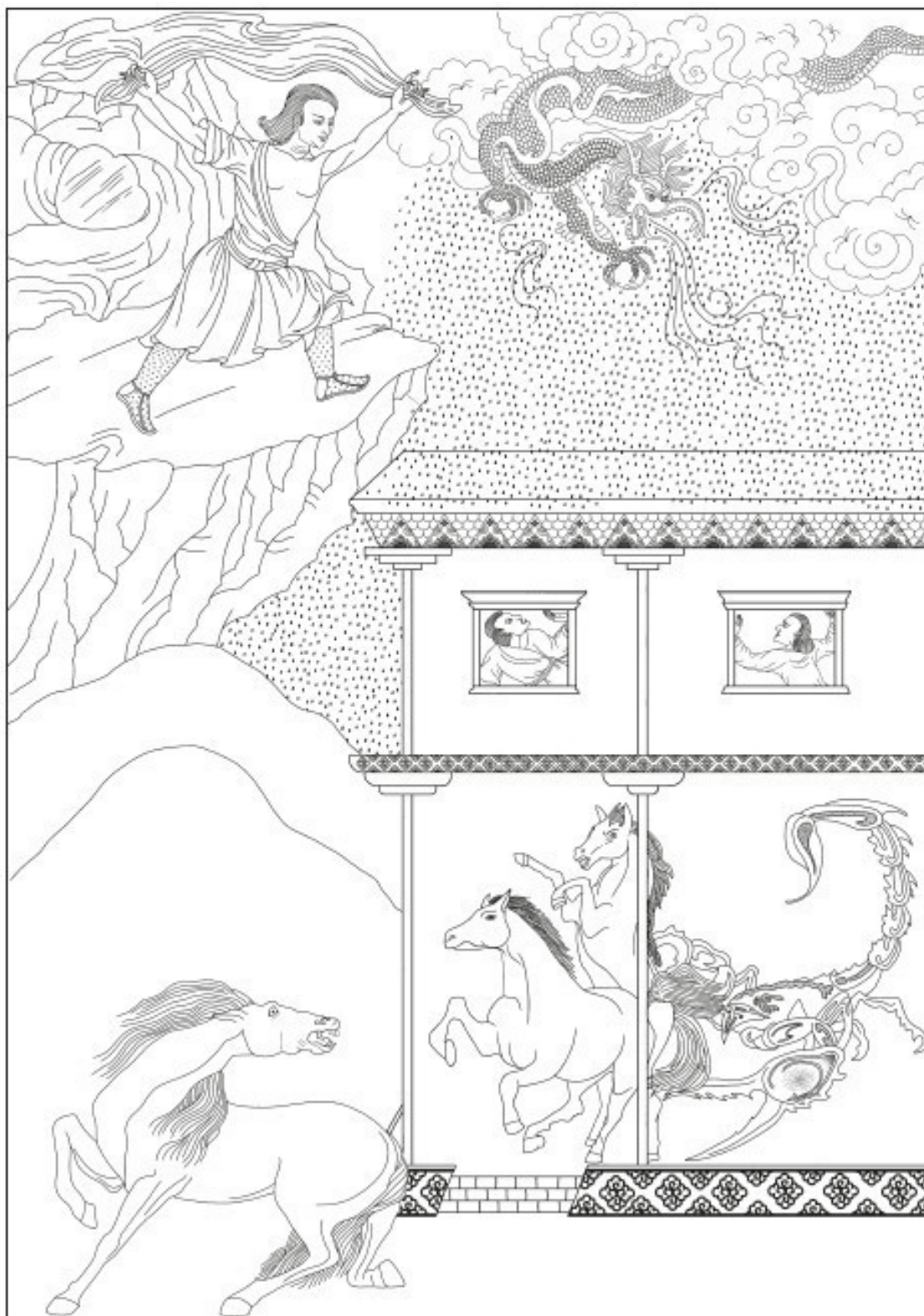
Моя мать работала по дому. Один день она пряла, другой день ткала. Так она добывала хоть какие-то деньги. Сестра трудилась на других изо всех сил, чтобы иметь еду и одежду. Она спешила и туда, откуда слышался бой барабана, и туда, где из очага шел дым.

Мы часто голодали, ходили в лохмотьях и пребывали в унынии. Мы были несчастны.

Так говорил Учитель. Его слова глубоко тронули всех, кто их слышал. Со скорбью в сердце они роняли слезы и хранили молчание.

На этом заканчивается вторая глава, повествующая о подлинном горе Миларепы.

⁸ Буквально: отправимся нищенствовать, прося подаяния в храмах (где бьют в барабаны) и в жилых домах (где горит огонь в очаге).



Глава третья Злодеяния

༡༡༩ གསུམ་པ་ལ་ཡུམ་གྱི་བཀའ་བསྐྱེད་ཏེ་མངོན་སྟོན་གྱི་འཕྲིན་ལས་བསྐྱབས་
ནས་དབྱ་བོ་རྣམས་ཚར་བཅད་པའི་མཛེད་པ།

Речунг спросил:

– Учитель, ты говорил нам, что сначала совершал злые поступки. Пожалуйста, расскажи, как это произошло.

– Я накопил дурную карму, когда наслал на людей проклятие и вызвал бурю.

– Учитель, какие обстоятельства подтолкнули тебя к колдовству?

И Миларепа продолжил:

– Это случилось, когда я обучался в деревне Скала, Похожая на Череп. Однажды мы с наставником спустились в низину, и он провел там свадебное торжество. Пиво на празднике лилось рекой; мой учитель много выпил и захмелел. Поэтому он отправил меня вперед с подарками, которые поднесли ему благодарные селяне. Я тоже был пьян. Я шагал по деревне, вслед мне несло праздничное пение, и мне тоже захотелось петь. У меня был хороший голос, и я запел, и пел всю дорогу, пока шел обратно. Путь пролегал мимо дома, где жила моя мать. В это время она была в кухне и готовила цампу – и вдруг услышала меня.

«Что это? – пробормотала она. – Похоже на голос моего сына. Но как он смеет петь, когда у нас такое горе?»

Не веря своим ушам, мама выглянула наружу. Увидев меня, она, словно пораженная громом, выронила из рук щипцы и веничек. Оставив ячмень на огне, она взяла в одну руку палку, а в другую – пригоршню золы. Сбегая по широким ступеням и перепрыгивая узкие, она тотчас оказалась на улице. Она бросила мне в лицо пепел, ударила по голове палкой и заголосила:

– Отец, Мила Знамя Мудрости! Это ли сын, которого ты породил? Он тебя не стоит! Только взгляни на нашу несчастливую долю!

С этими словами она потеряла сознание.

Из дому выбежала сестра.

– Брат, что же ты делаешь? Что с матерью? – запричитала она.

Ее рыдания привели меня в чувство. В тот день я пролил немало слез. Мы растирали матери ладони и звали ее по имени. Спустя мгновение она пришла в себя и смогла подняться. И тогда, глядя на меня глазами, полными слез, она промолвила:

– Подобаает ли нам петь, когда мы самые несчастные люди на свете? Когда я, твоя старая мать, думаю об этом, меня охватывает отчаяние, и я лишь плачу.

Тут мы во весь голос разрыдались все втроем.

Потом я сказал ей:

– Матушка, не печалься. Я сделаю все, что ты пожелаешь.

– Я хочу видеть тебя, облаченного в мужское платье, верхом на лошади, – сказала мне мать. – Хочу, чтобы твои стремени ломали шеи наших ненавистных врагов. Но это невозможно. Впрочем, ты мог бы навредить им при помощи коварства. Я хочу, чтобы ты в совершенстве овладел магией и разрушительными заклинаниями. Сначала уничтожишь дядю и тетю, а потом

– тех селян и соседей, кто жестоко с нами обходился. Хочу, чтобы ты наслал проклятие на них и их потомков вплоть до девятого колена. Посмотрим, удастся ли тебе это сделать.

Я ответил:

– Матушка, я постараюсь. Приготовь запасы пищи и подарок для ламы.

Так как мне предстояло учиться магии, мать продала половину поля, называемого Маленький Шерстяной Коврик. На вырученные деньги она купила глыбу бирюзы «Великая Искристая Звезда», белую лошадь любимой в этих краях породы по имени Сэнге Сабме, что значит Неукротимый Лев, два свертка краски и два тюка необработанного сахара. Все это вскоре пригодилось. Так мы готовились к моему отъезду.

Несколько дней я провел в Гангтанге, в трактире под названием Люндруб, что значит Спонтанность, желая найти попутчиков. Там мне встретились пятеро приветливых юношей, которые сказали, что пришли из селения Дол, что в Нгари, и направляются в земли У и Цанг, чтобы обучаться религии и магии. Я попросился с ними, так как сам собирался осваивать магию. Парни согласились. Я пригласил их в материнский дом в Гунгтханге, и они два дня гостили у нас.

Мать втайне от меня сказала им:

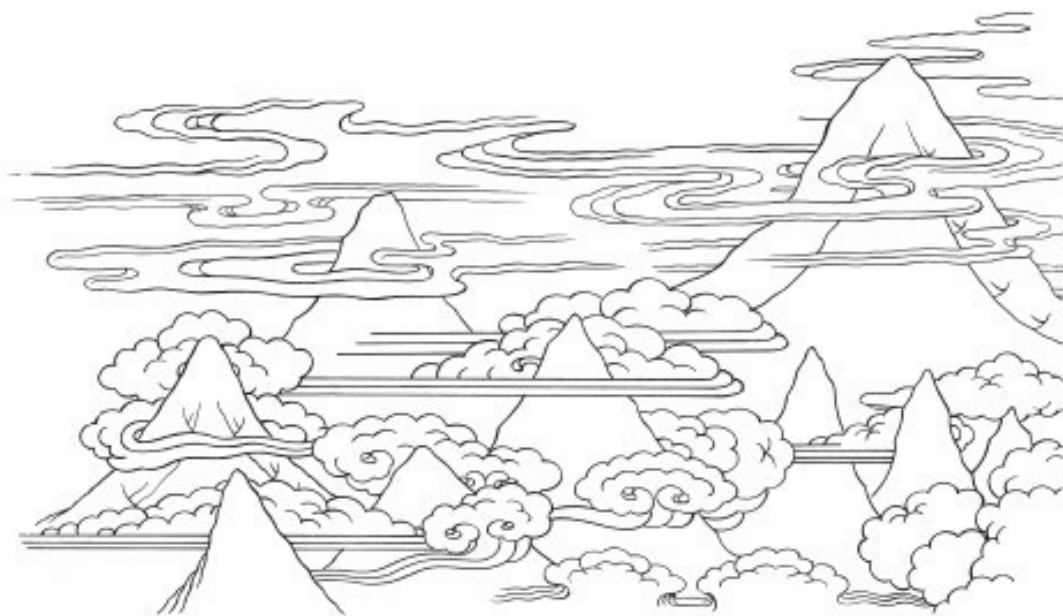
– У моего сына нет силы воли. Поэтому вы, как друзья, должны убедить его в необходимости глубокого изучения магии. В свой черед я щедро отплачу вам за услугу.

Водрузив на лошадь два мешка краски, а бирюзу оставив при себе, я отправился в путь. Некоторое время мать провожала нас.

Пока мои спутники осушали прощальную чашу пива, она дала им множество советов. Ей было трудно разлучиться со мной, ее единственным сыном. Она крепко сжала мою руку, и мы отошли в сторону. Ее лицо заливали слезы, а речь прерывали всхлипы. Она проговорила:

– Прежде всего помни о нашем горе и возвращайся лишь тогда, когда знаки твоего колдовства проявятся в нашей деревне. Твои мотивы для овладения магией не такие, как у твоих попутчиков. Всеми любимые, эти парни хотят стать волшебниками ради удовольствия. Нам же колдовство нужно из-за несчастья. Поэтому пускай твоя воля будет непоколебима. Если ты вернешься в деревню, так ничего и не достигнув, твоя старая мать покончит с собой у тебя на глазах.

Я заверил ее в своей любви и пообещал, что все будет так, как она желает. Наконец мы попрощались. Нежно любившая меня мама смотрела нам вслед, пока не скрылась из виду. То и дело оглядываясь назад, я пролил реки слез. На мгновение в порыве чувств я даже задумался, не вернуться ли к матушке: я опасался, что больше никогда ее не увижу.



Несколько дней спустя по долине поползли слухи, что сын Белой Драгоценности ушел обучаться магии.

Вскоре мы прибыли в Ягде, что в долине Цангронг. Там я продал своего коня и краски очень богатому человеку и выручил немного золота, которое все время держал при себе.

Мы пересекли реку Цангпо и повернули к У. В местечке под названием Тхёнлуг Ракха мы повстречали монахов. Я спросил, знают ли они какого-нибудь ученого из земли У, искусного в магии и заклинаниях и умеющего вызывать ураганы. Один из монахов ответил:

– В Кхьёрпо, что в Ярлунге, живет лама из Ньяга по имени Юнгтён Тхрогьял, что значит Повелитель Грозных. Он искусен в заклинаниях, а его ужасные проклятия имеют огромную силу.

Монах оказался учеником этого чародея. Так мы отправились в Кхьёрпо, что в Ярлунге. Когда мы с поклонами вошли к ламе Юнгтёну, мои спутники преподнесли ему лишь незначительные дары, я же отдал все золото и бирюзу.

– Кроме всего этого, – произнес я, – подношу тебе тело, речь и ум. Мои соседи по деревне не могут спокойно видеть счастье других. Прояви же сочувствие и посвяти меня в самые мощные заклинания, чтобы я мог наслать проклятие на односельчан. А пока я буду обучаться, пожалуйста, снабжай меня едой и одеждой.

Лама улыбнулся и ответил:

– Мне нужно обдумать твои слова.

Прошло около года. Чародей не стал учить нас подлинным тайнам магии. Он передал лишь несколько формул, вызывающих грохот земли и небес, а также поверхностные знания о разнообразных заклинаниях и полезных ритуалах. Однажды мои соученики собрались возвращаться домой. Каждому из нас лама подарил прекрасно сшитое одеяние из прочной ткани, изготовленной в земле У. Однако я был недоволен – эти практики казались недостаточно мощными, чтобы уничтожить всю деревню. Я вспомнил, что мать обещала покончить с собой, если я появлюсь без явных признаков владения разрушительными силами, и решил остаться.

Увидев, что я не готовлюсь к отъезду, товарищи спросили:

– Добрая Весть, почему ты не собираешься?

– Я еще не полностью искусен в магии, – ответил я.

– Эти заклинания в высшей степени волшебны, – сказали друзья. – Просто нужно проявить усердие, чтобы овладеть ими в совершенстве. Учитель сам говорит, что не сможет дать нам больше. Вне всяких сомнений, он передал все, что мог. Вряд ли он покажет тебе что-то еще!

Поблагодарив учителя и попрощавшись с ним, друзья уехали. Я облачился в платье, подаренное ламой, и полдня сопровождал их в пути. Под вечер мы пожелали друг другу доброго здоровья, и юноши отправились на родину.

Возвращаясь к Повелителю Грозных, я набрал полный подол помета лошади, осла, коровы и собаки. Выкопав яму на плодородном поле ламы, я зарыл все это там.

Сам чародей стоял на веранде своего дома и наблюдал за мной. Окружавшим его монахам он сказал:

– Из множества людей, посещавших меня, не было и никогда не будет столь любящего, как тот парень, что идет сейчас сюда. Своим возвращением он доказал это. Год назад, показавшись здесь впервые, он упомянул о том, что люди в его деревне не могут спокойно смотреть на чужое счастье. Мила пришел учиться колдовству и поднес мне в дар тело, речь и ум. Какое упорство! Если его слова правдивы, будет жаль не поделиться с ним тайнами черной магии.

Кто-то из свиты пересказал мне слова ламы. «Наконец-то все решилось! – подумал я радостно. – Я овладею подлинными секретами чародейства!»

Когда я явился к учителю, тот осведомился:

– Добрая Весть, почему ты не отправился домой?

Я вернул одежду, полученную от него в подарок, склонился к его ногам и произнес:

– Драгоценный Лама, нас трое – мать, сестра и я сам. Мои дядя, тетя и несколько соседей из деревни стали нашими врагами. Они довели нас до нищеты, и у меня не было сил, чтобы защитить себя и родных. И тогда мать отправила меня учиться магии. Если я вернусь домой ни с чем, она покончит с собой прямо у меня на глазах. Я остался, чтобы уберечь ее от гибели. И поэтому я прошу у тебя истинных поучений.

Сказав это, я зарыдал. Лама ответил:

– Каким образом жители деревни причинили вам вред?

Всклипывая, я рассказал, как умер мой отец Мила Знамя Мудрости и как после его смерти дядя и тетя обрекли нас на крайнюю нужду. Из глаз чародея тоже одна за другой потекли слезы. Он вздохнул:

– До чего же печальная история! Магии, которую я практикую, будет достаточно, однако нам не следует торопиться. На западе, в трех округах Нгари, за те же самые заклинания мне предлагали россыпи золота и бирюзы; на востоке, в трех горных районах Кхама, давали бесчисленные мешки чая и шелка; в Центральном Тибете, в четырех долинах У и Цанга, сулили сотни и тысячи тюков шерстяной ткани; а на юге, в Джаоле, Дагпо и Конгпо, обещали стада лошадей, яков и овец. Но лишь ты один преподнес свое тело, речь и ум. Я проверю, правду ли ты поведал мне.

В то время у ламы жил один монах, который был быстрее лошади и выносливее слона. Повелитель Грозных отправил его в нашу деревню, наказав разузнать про мою семью. Вскоре тот вернулся и доложил:

– Драгоценный учитель, Добрая Весть сказал правду. Он очень нуждается в колдовских приемах.

Лама обратился ко мне:

– Если бы я научил тебя магии сразу, то, боюсь, своим упрямством ты заставил бы меня об этом пожалеть. Но теперь, зная, что ты искренен, я отправлю тебя к другому мастеру для получения дальнейших указаний. Я владею заклинаниями демона, которого называют Багроволиким Раху; его окрик «ХУНГ» насылает смерть, а «ПХАТ» лишает чувств. А в долине Нуб Кхулунг, что в Цангронге, живет Лама Йонтен Гьямцо, Океан Качеств; он великий колдун и

врачеватель. Я передал ему свое тайное заклинание, а он в благодарность научил меня вызывать бурю одним движением мизинца. С тех пор мы стали друзьями и союзниками. Теперь тех, кто приходит ко мне постигать волшебство, я отправляю к нему. Он же посылает ко мне всех, кто приходит к нему учиться вызывать бурю. Ступай к нему вместе с моим сыном.

Его старшего сына звали Дарма Вангчуг, что значит Властелин в Расцвете Сил. Чародей снабдил нас запасами провизии, дал еще свертки шелка и шерсти из земли У, несколько небольших подарков и письмо. Прибыв в Нуб Кхулунг, мы встретились с молодым ламой и преподнесли ему немного шерсти и ткань, а также подарки и письмо от Повелителя Грозных. Я подробно рассказал Йонтену Гьямцо свою историю и настойчиво попросил обучить меня колдовству. Он ответил:

– Мой друг действительно предан мне, и я ему доверяю. Я научу тебя всему, что знаю сам. Для этого тебе понадобится медитационный домик; построй его на переднем склоне вон той горы. Там ты преодолеешь границы человеческих возможностей.

Мы соорудили трехъярусное убежище под скалой и окружили его многочисленными ограждениями из каменных блоков, величиной с яка. Мы не оставили ни одного уязвимого места. Никто не смог бы заметить вход в это жилище и проникнуть в него. После этого лама передал нам магические заклинания. Целую неделю мы их осваивали. После этого пришел Океан Качеств и сказал:

– Раньше семи дней было достаточно, и сейчас этого тоже должно хватить.

– Мое колдовство должно действовать на расстоянии, – ответил я. – Разрешите мне упражняться еще неделю.

– Хорошо, – кивнул лама. – Продолжай.

Так я и сделал. Вечером 14-го дня Океан Качеств снова появился на пороге со словами:

– Сегодня вокруг мандалы проявятся признаки успеха нашей магии.

Тем же вечером преданные божества-охранители принесли то, о чем мы просили, – головы и кровоточащие сердца 35 человек.

– Вы многократно призывали нас две недели подряд. Так возьмите же то, чего хотели! – сказали они и сложили головы вокруг мандалы.

На следующее утро лама вернулся и сообщил:

– Большинство твоих врагов уничтожено, но двое выжили. Убить их или пощадить?

Вне себя от радости, я воскликнул:

– Умоляю тебя, оставь их в живых – пускай знают о моей мести!

Выжившими оказались мои дядя и тетя.

В благодарность преданным охранителям мы сделали подношение и затем покинули тот уединенный дом. Его до сих пор еще можно увидеть в Кхулунге.

Меня разбирало любопытство: не терпелось узнать, какой эффект произвели наши заклинания в моей родной деревне Кья Нгаца.

Оказалось, что в тот день люди праздновали свадьбу старшего сына моего дяди. Первыми на торжество прибыли другие его сыновья с невестками, а также один сосед, ненавидевший нас. Всего в доме было 35 человек. Другие гости, которые относились к нам доброжелательно, находились еще в пути. Вот о чем они говорили, приближаясь к дому дяди:

– Когда домом правит самозванный хозяин, настоящего изгоняют, как собаку. Судьба этих несчастных лишней раз это доказывает. Если колдовство Доброй Вести еще не достигло их, значит, сила божеств-охранителей вскоре проявится сама собой.

Дядя и тетя вышли из дому, чтобы обсудить, какие блюда подавать на стол и какую речь произнести. В это время наша бывшая служанка, которая теперь работала на дядю с тетей, отправилась за водой. Проходя мимо конюшни, она заглянула туда и вместо лошадей увидела скорпионов, пауков, змей, жаб и прочую нечисть. Перед ней словно из земли вырос скорпион величиной с яка; он схватил клешнями столб и вырвал его из земли. Не помня себя от ужаса,

служанка с криком выбежала на улицу. Жеребцы в стойле стали бросаться на кобыл, а те – лгать жеребцов. Все эти вставшие на дыбы и беснующиеся лошади навалились на опоры дома, и те, не выдержав, обрушились на землю. Под руинами погибли сыновья дяди, его невестки и другие гости. Всего их было 35 человек.

Моя сестра Пета, увидев всеобщую скорбь, бросилась к матери со словами:

– Мама! Мама! Дядин дом обрушился и многие погибли. Иди и взгляни на это сама.

Мать прослезилась от радости, встала и вышла посмотреть. Дом дяди и тети превратился в облако пыли, и отовсюду слышались пронзительные крики жителей деревни. Пораженная этим зрелищем, она привязала обрывок одежды к длинной палке и, размахивая ей в воздухе, завопила во весь голос:

– Хвала богам, ламам и Трем драгоценностям! Что скажете, соседи-односельчане, достойный ли сын у Милы Знамени Мудрости? Видите ли вы, какого сына вскормила Белая Драгоценность, облаченная в тряпье и питающаяся отбросами? Когда-то дядя и тетя сказали нам: «Мать и дети, если вас много, то идите на нас войной, если мало – насылайте заклятие». Подумайте же теперь о людях, что были в доме, о драгоценностях, хранившихся в сундуках, о животных в стойле. Наконец-то я дожилась, наконец-то увидела это представление, которое устроил мой сын. И как же я счастлива!

Даже до тех, кто остался в домах, донеслись торжествующие крики Белой Драгоценности. Некоторые говорили:

– Она права.

– Может, она и права, но это возмездие слишком жестокое, – отвечали другие.

Узнав, что именно погубило людей, жители деревни сказали:

– Этой жертвы ей будет мало, и все зайдет слишком далеко. Ее нужно пытаться, а после вырывать сердце из груди.

– Зачем ее убивать? – возразили старейшины. – Сначала нужно найти и умертвить ее сына. Потом будет легче известить и мать.

Посоветовавшись, они пришли к согласию. Услышав это, дядя заявил:

– Раз мои сыновья и дочери мертвы, сам я не боюсь смерти.

Он направился к дому моей матери, однако соседи остановили его со словами:

– Все эти несчастья случились лишь потому, что ты не сдержал своего обещания. Мы не позволим тебе известить мать раньше сына.

Так наши односельчане задумали найти меня и убить.

В тот же день мамин брат пришел к ней и сказал:

– Из-за твоих слов соседи убьют и тебя, и твоего сына. Зачем ты кричала о мести? Разве тебе мало, что заклинание сработало?

– Наши несчастья тебя не коснулись. Сложно хранить молчание, когда они украли все наше имущество, – ответила мать и заплакала.

– Ты права. Убийцы могут прийти за тобой, так что запишись в доме и никуда не выходи.

Дядя ушел. Белая Драгоценность задвинула все засовы и стала обдумывать дальнейшие действия.

Тем временем наша бывшая служанка услышала о том, что селяне собрались вместе и что-то замышляют. Она все еще любила нас и не могла этого допустить. Тайно она пришла к Белой Драгоценности, рассказала, что решили соседи, и посоветовала отыскать меня. Это несколько омрачило радость матери. Она продала оставшуюся половину поля Маленький Шерстяной Коврик за семь щепоток золотого песка. Не было никого, кто бы мог отправиться за мной, и поэтому она решила идти сама, принести мне еды и дать добрый совет.

В это самое время мимо проходил незнакомый йогин из земли У, возвращаясь из паломничества по Непалу. Собирая подаяния, он постучал в ворота Белой Драгоценности. Йогин оказался как раз тем, с кем она могла бы отправить мне восточку. Мать предложила ему:

– Ты можешь отдохнуть здесь несколько дней. Мой сын сейчас находится в У и Цанге, я хочу передать ему послание. Будь так добр, отнеси ему еду и записку.

Мать оказала путнику щедрый прием. Пока он располагался, она зажгла масляную лампу и загадала: «Если моему желанию суждено сбыться, пусть сила учителя моего сына и мощь божеств-охранителей заставят эту лампу гореть долго. Если же нет, то пускай она быстро погаснет». Лампа горела весь день и всю ночь, и моя мать знала, что ее желание исполнится.

– Йогин, в путешествии очень важна одежда и обувь, – сказала она паломнику и дала ему рубаху и кожу для починки сапог. Собственноручно она заштопала его изношенную накидку. Не говоря ни слова, в ее подкладку она вшила семь щепоток золота, прилатав сверху квадратный кусок черной ткани. На заплатке она вышила белыми нитями созвездие Плеяд так, чтобы оно не было заметно с наружной стороны. Затем она хорошо заплатила йогину за услугу, вручила письмо с тайным посланием и отпустила в путь.

Мать решила, что, раз она не знает точно, что задумали встревоженные соседи, то следует подлить масла в огонь. Она велела Пете:

– Сообщи всем, что йогин принес письмо от твоего брата.

Она сама написала письмо и выдала его за мое:

«Несомненно, вы, мать и сестра, находитесь в добром здравии и видели последствия моего колдовства. Если соседи продолжают ненавидеть вас, напишите мне их имена и имена членов их семей. С помощью заклинаний мне будет так же легко их прикончить, как подбросить в воздух горсть зерна. Я искореню их род до девятого колена. Мать и сестра, если селяне все еще враждебны к вам, приезжайте сюда и живите со мной. Я не оставляю от этой деревни камня на камне. Сейчас я нахожусь в отшельничестве, но обеспечен сполна и золотом, и мясом. Не беспокойтесь обо мне».

Написав это, моя мать сложила бумагу вчетверо. Сперва она решила показать ее брату и его друзьям. Словно ненароком, она оставила письмо у брата, чтобы все его увидели. Ужаснувшись, соседи передумали нас убивать. Они отобрали у дяди поле Плодородный Треугольник и вернули его моей матери.

Тем временем йогин прибыл в Нуб Кхулунг и передал мне записку от мамы. Я отошел в сторонку, чтобы ее прочесть:

«Добрая Весть, надеюсь, что ты пребываешь в благоденствии. Желание твоей пожилой матери иметь настоящего сына осуществилось. Род Милы Знамени Мудрости теперь защищен. Признаки твоего колдовства проявились в деревне: 35 человек погибли под обломками рухнувшего дома. Теперь односельчане испытывают вражду ко мне и твоей сестре. Поэтому ты должен наслать на них град до девятой линии кладки их домов. Тогда последнее пожелание твоей матери будет исполнено. Люди из ближайших селений сказали, что выследят тебя и убьют, а после изведут и меня. Ради нас обоих – прояви величайшую заботу и защити наши жизни. Если запасы твои исчерпались, то следуй в земли на Севере. Там на фоне черного облака ты увидишь созвездие Плеяд. Под ними находятся семь домов твоих двоюродных сестер. В них ты найдешь все необходимое. Если ты не понял мои слова, спроси йогина, живущего в тех землях, и больше никого».

Смысл письма мне был непонятен. Я скучал по родине и матери с сестрой. Все мои запасы исчерпались. Не зная в этих краях ни одного близкого человека, я печалился.

– Раз ты знаешь эту страну, – обратился я к йогину, – то скажи, где живут мои сестры?

– На центральной равнине Нгари, – ответил тот.

– Знакомы ли тебе другие земли? Откуда ты родом?

– Я не знаю, где еще могут жить твои сестры. Сам я из У.

– Тогда подожди здесь немного. Я скоро вернусь.

Сказав так, я отправился к ламе, чтобы показать ему письмо и попросить его все объяснить. Лама пробежал глазами написанное и вздохнул:

– Добрая Весть, твоя мать полна злобы. Даже после гибели стольких людей она хочет, чтобы ты снова вызвал бурю. Кто такие эти сестры с севера?

– Я ничего о них не слышал. Я спросил йогина, но он тоже не знает, – ответил я.

Лама протянул письмо жене, которая явно отличалась мудростью Дакини. Она прочла письмо вслух и попросила:

– Приведи сюда этого путника.

Я так и сделал. Жена Йонтена Гьямцо развела огонь и подала гостю отменного пива. Потом она сняла с йогина накидку и надела ее сама.

– Это замечательная одежда для путешественника, – сказала она.

Прогуливаясь по дому, женщина поднялась на террасу, достала золото и пришила заплатку на место. Вернувшись, она набросила одеяние на плечи паломника. Накормив его ужином, она негромко произнесла:

– Иди и передай Доброй Вести, чтобы явился к учителю.

Когда я пришел, она передала мне семь щепоток золотого песка. Я спросил:

– Откуда это?

Жена ламы ответила:

– Золото было в одежде йогина. Добрая Весть, у тебя очень предусмотрительная мать. Северные земли, где не светит солнце, – это накидка, сквозь которую не проникает солнечный свет. Черное нависшее облако – это заплатка из черной ткани. Восходящее созвездие Плеяд – звезды, вышитые белой ниткой. И под ним семь домов сестер – это семь щепоток золота. Если ты не понял, спроси йогина, живущего в этой долине, но никого, кроме него, – это означает, что если ты не понимаешь, о чем идет речь, то не ищи золото где-либо еще, кроме как в одежде посланца.

– Женщина! Говорят, что ты полна хитрости. И это правда, – сказал лама и засмеялся.

После этого я дал йогину десятую долю щепотки, чему тот искренне обрадовался. Хозяйке дома я подарил семь десятых щепотки, а учителю преподнес три полные порции золотого песка.

– Ты видишь, моя мать просит кроме всего прочего призвать бурю. Пожалуйста, сжался и научи меня этому, – попросил я ламу.

– Если хочешь насладиться бурей, то ступай обратно в Няг к Повелителю Грозных, – велел Йонтен Гьямцо.

Он дал мне письмо и несколько подарков, и я отправился в путь.

В Ярлунге я прибыл в деревню Кхьёрпо. Представ перед чародеем, я положил к его ногам три щепотки золота, письмо и дары. Я рассказал, почему хочу насладиться бурей на свою деревню. Повелитель Грозных спросил:

– Преуспел ли ты в колдовстве?

– Я добился подлинного мастерства и с помощью заклинаний убил 35 человек. В этом письме содержится моя последняя просьба. Пожалуйста, сжался надо мной, научи насыщать бурю, – ответил я.

– Что ж, так тому и быть.

С этими словами учитель передал мне тайную формулу. Я отправился в мою старую обитель, чтобы совершить обряд.

В начале седьмого дня в мою хижину ворвалась туча. Сверкали молнии, грохотал гром, раздавался голос Багроволикого Раху. Отныне я знал, что могу вызывать ураганы одним движением мизинца.

Чародей хотел знать, когда нужно насыщать бурю. Он постоянно меня спрашивал:

– Скажи, созрел ли урожай в твоей деревне?

– Он едва начал всходить, – отвечал я.

Чуть позже я заметил:

- Посевы едва ли выросли настолько, чтобы среди них могли укрыться голуби.
- Пшеница заколосилась, – произнес я спустя какое-то время.
- Пора, – сказал лама.

Он дал мне в попутчики посыльного, который уже бывал в наших краях. Мы переоделись странствующими монахами и отправились в дорогу.

Старейшины из моей деревни не могли припомнить такого благоприятного года. Они издали закон, запрещающий кому-либо собирать урожай по своему усмотрению. Мы прибыли за день до того, как должна была начаться жатва. Я расположился в соседней деревне.

После того как я произнес заклинание, на небе показалось маленькое облачко, едва ли величиной с воробья. Разочарованный, я призвал всех охранителей поименно. Я вспомнил о несправедливостях, которые нам пришлось терпеть от жителей деревни, сбросил покрывало и заплакал. Внезапно в небе сгустились огромные черные тучи. В следующее мгновение град уничтожил весь урожай и покрыл долину до третьей отметки кладки домов, оставив на скалах глубокие выбоины. Селяне рыдали, видя гибель своего урожая.

Тут же налетел порывистый ветер и начался ливень. Мы с помощником укрылись в пещере, обращенной на Север. Там мы развели костер из ветвей тамариска и расположились отдохнуть.

В тот вечер несколько мужчин из деревни возвращались с охоты, минуя нашу пещеру. Они ходили за дичью, чтобы принести жертву по случаю небывалого урожая.

– Этот Добрая Весть наслал на нас несчастье, – говорил кто-то из них. – Он уже многих лишил жизни! Теперь же из-за его колдовства мы потеряли весь урожай. Только попадись он нам в руки! Мы вырвем его трепещущее сердце, и каждый из нас съест кусочек его плоти и выпьет каплю его крови.



С этими словами они спускались вниз с горы. Раны в их сердцах были неизлечимы. Вдруг охотники поравнялись с нашим убежищем, и старший сказал:

– Тихо! Говорите шепотом! Из пещеры тянет дымом. Кто бы это мог быть?

– Это наверняка Добрая Весть. Он не заметил нас. Если мы, мужчины нашей деревни, не убьем его сейчас, то он точно уничтожит все эти земли, – и они начали приближаться.

Мой попутчик шепнул:

– Уходи без меня. Я притворюсь тобой, выйду и скажу им, что это была моя месть. Мы встретимся снова через четыре дня в трактире в Дингри.

Он был храбр и полностью уверен в своих силах. В тот момент я страстно хотел еще хотя бы раз увидеть маму. Тем не менее, опасаясь врагов, я быстро скрылся и поспешил в Ньянанг. Но по дороге на меня набросилась собака, и я не сумел вовремя добраться до места встречи.

Моего товарища окружили разгневанные селяне, но он смог прорваться через их кольцо и бежать. Когда они остались далеко позади, он сбавил шаг. Они стреляли ему вслед, а он метал в них огромные камни.

– Я нашлю проклятие на всякого, кто отважится выступить против меня! – громогласно восклицал он. – Скольких мужчин я еще не убил из мести? Что же это случилось с вашим прекрасным урожаем? Не мое ли это возмездие? Я прокляну все эти земли, от верхушек до самых низин, если вы не будете добры к моей матери и сестре. И те, кто останется в живых, увидят, как их род будет истреблен до девятого колена. Смерть и разорение настигнут эту страну, и все из-за меня! Поживите и увидите! Поживите и увидите!

Бранясь, они отступили и повернули назад.

Мой спутник добрался до Дингри раньше меня. Он спросил хозяина трактира, не появлялся ли тут йогин, похожий на него. Тот покачал головой:

– Нет, он не приходил. Но все вы, так называемые йогины, не дураки выпить. В соседней деревне сейчас устраивают пивную пирушку. Спешите туда. Если у тебя нет кружки, я одолжу тебе.

Хозяин дал ему деревянную кружку, глубокую и серую, как лицо Ямы, Властелина Смерти. Мой товарищ отправился в харчевню, где проходило торжество. Там он увидел меня. Он подошел, сел рядом и спросил:

– Почему ты не явился в назначенное место?

– Вчера, когда я просил подаяние, меня за ногу укусила собака. Поэтому я не мог быстро идти. Но это уже не важно.

Мы покинули праздник и вскоре прибыли в Кхьёрпо. Увидев нас, чародей воскликнул:

– Отлично! Вы оба хорошо поработали!

– Кто был здесь до нас и рассказал тебе обо всем?

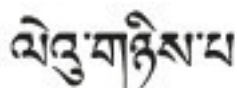
– Приходили божества-охранители, и их лица светились, как полная луна. Я поблагодарил их за все, – ответил лама.

Он сиял от радости.

Вот как я совершил темные поступки, отомстив своим недругам.

Так говорил Учитель. На этом завершается третья глава о том, как он истребил врагов. Здесь описаны деяния Миларепы в мирской жизни.

Часть II



Вторая часть содержит девять глав. В них повествуется о том, как Миларепа продвигался по Пути к высочайшему совершенству Просветления.

в главе первой отвращение к злу и раскаяние заставят Милу пуститься на поиски совершенного Ламы.

в главе второй Мила найдет Ламу, покорится ему и пройдет через невероятные испытания. Так он полностью очистится от загрязнений, возникших из-за злых поступков и умственных замутнений.

в главе третьей Мила добьется благосклонности Ламы и получит от него устные наставления, ведущие к зрелости и Освобождению.

в главе четвертой, медитируя в присутствии Ламы, он получит первые ростки опыта и постижения.

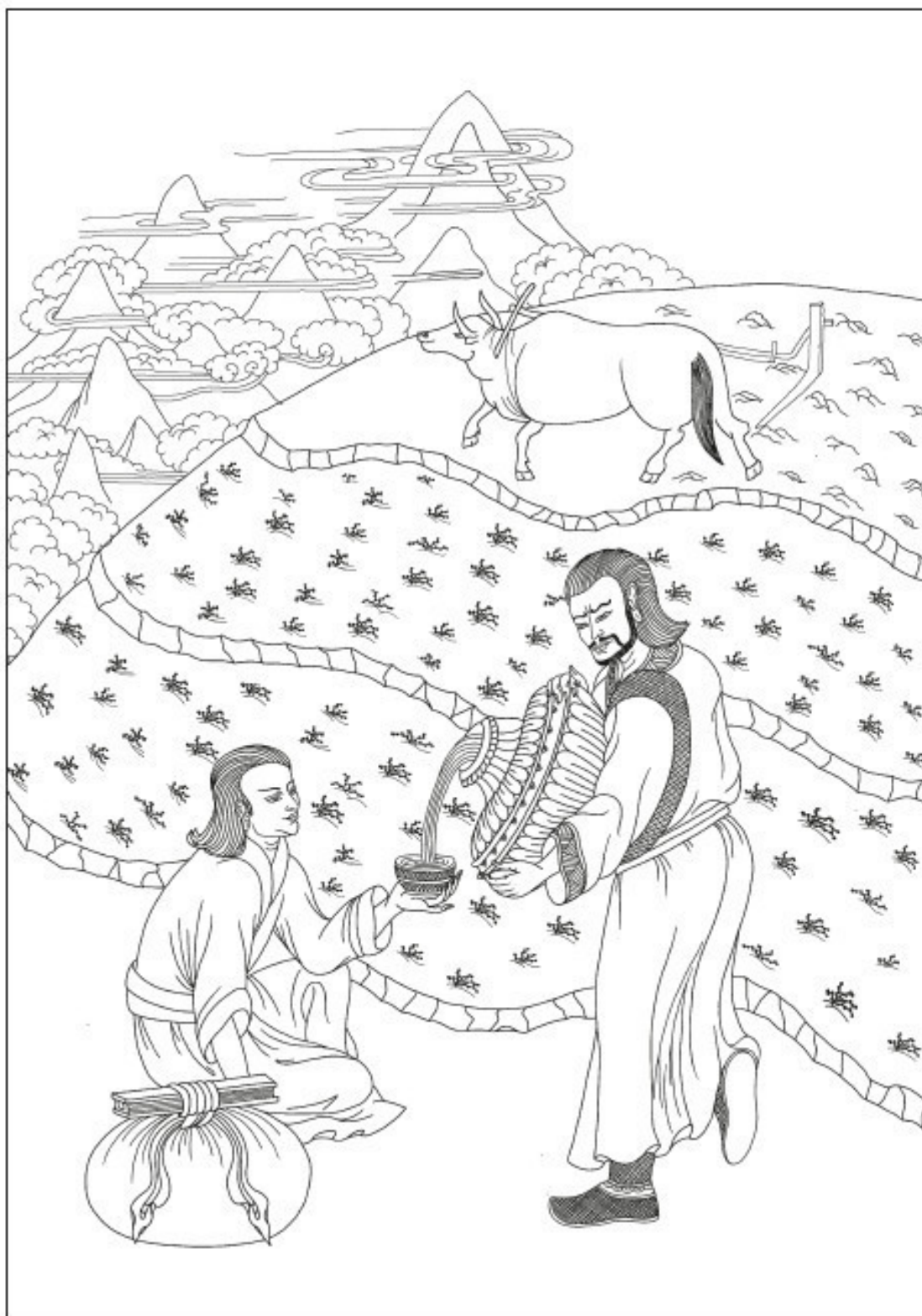
в главе пятой, применяя устные поучения Марпы, Мила до совершенства доведет свою практику. Следуя указаниям, пришедшим к нему во сне, он покинет Ламу.

в главе шестой, снова убедившись в тщете мирского существования, он поклянется посвятить свою жизнь медитации.

в главе седьмой, следуя наставлениям Ламы, Мила отречется от всех мирских привязанностей, уйдет в горное отшельничество и полностью посвятит себя практике и крайнему аскетизму.

в главе восьмой благодаря медитации Мила станет пробужденным и принесет пользу Учению и всем существам.

в главе девятой, завершив все дела, он растворит свое физическое тело во всеобъемлющем пространстве истины, чтобы зародить духовное стремление во всех живущих.



Глава первая Поиски Дхармы

༩༩ དང་པོ་སྒྲོ་ཤས་དང་ངེས་འབྱུང་གི་སྒྲོ་ནས་མཚན་ལྡན་གྱི་བླ་མ་བཅས་པའི་
མཛེད་པ་

Речунг сказал:

– Учитель, ты ведь совершал и добрые поступки. Однако нет более ценных действий, чем те, что посвящены Дхарме. Как ты встретился с Учением Будды?

И Досточтимый продолжил:

– Я был полон раскаяния за все зло, которое причинил своим колдовством. Жажда Дхармы так овладела мной, что я не мог ни есть, ни спать. Когда я двигался, мне хотелось сесть, а когда сидел, мне хотелось вскочить.

Я не осмеливался признаться ламе-чародею в своей печали и страстном желании Освобождения. Я продолжал служить ему, но все более отчаянно мучился вопросом: «Как же мне стать на путь истинного Учения?»

В то время Повелитель Грозных ежедневно получал еду и другие необходимые вещи от одного состоятельного землевладельца. Внезапно нашего покровителя поразила ужасная болезнь, и его семья же сразу вызвала моего ламу. Спустя три дня он вернулся молчаливый и подавленный. Я спросил:

– Учитель, в чем причина твоего молчания и грусти?

– Все составное непостоянно, – отозвался он. – Вчера умер мой добрейший благодетель. Мысли о круговороте рождения и смерти взбудоражили мой ум. Я стар. От белых зубов юности до белых волос старости я причинил много вреда, насылая злые заклятия и бури. Ты, несмотря на молодость, тоже накопил тяжелую карму, и твои злодеяния остались на моей совести.

– Может быть, таким образом ты помог людям переродиться в высших сферах и достичь Просветления?

Лама покачал головой:

– Все чувствующие существа обладают Будда-природой. Теоретически я знаю, как вести их к высшим мирам и Освобождению. Однако все мои достижения, что я могу вспомнить, суть лишь слова и идеи. Я уже не уверен, что способен помогать существам. Но я готов практиковать Дхарму, чтобы изменить это. Отныне тебе придется наставлять моих учеников, чтобы я мог углубиться в практику, ведущую к высшим сферам существования и Освобождению. Или ты должен приступить к практике Дхармы, чтобы тем самым помочь нам обоим достигнуть высших миров и Просветления. Я буду обеспечивать тебя всем необходимым.

Так исполнилось мое желание. Я ответил, что хочу практиковать Дхарму сам.

– Хорошо, – согласился Повелитель Грозных, – Пока ты молод, пока твои рвение и преданность велики, практикуй самое чистое в мире Учение.

Он дал мне яка, груженного шерстяной тканью из Ярлунга и сказал:

– В Цангронге, в деревне Нар, живет лама по имени Ронгтён Лхага, Радость Богов. К цели его привели поучения Дзогчена, Великого совершенства. Иди к нему, получи наставления и практикуй их, чтобы очиститься.

Следуя наставлениям чародея, я прибыл в Нар и разузнал все, что было нужно. Жена Ронгтёна Лхаги и несколько монахов сказали мне:

– Это его главный монастырь. Ламы сейчас здесь нет. Он в младшем монастыре, в горах Верхнего Ньянга.

– Хорошо, – ответил я. – Меня послал учитель Юнгтён Тхрогьял. Помогите мне найти вашего ламу.

Я поведал им свою историю. Жена ламы попросила монаха сопроводить меня в младший монастырь. Мы отыскиали Ронгтёна Лхагу в Ринанге. Я поднес ему в дар яка и шерстяную ткань. Почтительно поклонившись, я произнес:

– К тебе пришел великий злодей. Даруй мне поучения, которые за одну жизнь освободят меня от пут сансары.

Лама улыбнулся:

– Мой метод – это Великое совершенство, с его королевской основой, вершиной и плодом. Если будешь практиковать его днем, станешь Буддой за день. Если будешь медитировать ночью, станешь Буддой за ночь. А некоторым счастливицам, накопившим благоприятную карму, не придется даже медитировать: они обретут Освобождение лишь благодаря слушанию.

После этих слов лама дал мне посвящения и устные наставления.

Я подумал: «Мне удалось достичь больших успехов в колдовстве за 14 дней. Семи дней хватило, чтобы научиться вызывать бури. А этот путь к Просветлению оказался еще проще и быстрее. Если медитировать всего одну ночь, можно очиститься к утру. Если медитировать всего один день, можно очиститься к вечеру. Благодаря встрече с этим Учением я стал одним из тех счастливиц-Бодхисаттв, которые слушают Дхарму, но даже не обязаны медитировать».

С такими гордыми мыслями в уме вместо медитации я улегся спать. Так я разграничил духовное развитие и человеческую жизнь. Через несколько дней лама сказал мне:

– Когда ты впервые пришел сюда, ты назвался великим злодеем. Это похоже на правду. Гордясь своими поучениями, я заговорил с тобой слишком рано. Я не смогу привести тебя к Освобождению. Отправляйся в долину Дрово Лунг, что в южной провинции Лходраг. Там живет знаменитый Марпа, ближайший ученик великого мастера Наропы из Индии. Это учитель новой школы, царь переводчиков, которому нет равных в трех мирах. У тебя с ним есть кармическая связь из прошлого, поэтому ты должен отправиться к нему.

Едва услышав имя Марпы-переводчика, я ощутил невероятное счастье. Каждый волосок на моем теле задрожал от радости. Я всхлипывал от благоговения, которое невозможно описать никакими словами. Я не мог думать больше ни о чем, кроме скорейшей встречи с Марпой, и потому немедленно отправился в путь, взяв с собой запасы еды и книгу. Не отвлекаясь ни на что, я непрерывно повторял про себя: «Когда? Когда же я увижу Ламу?»

Перед тем, как я прибыл в Дрово Лунг, Марпа увидел во сне великого мастера Наропу. Тот благословил его и протянул немного запачканный ваджр с пятью спицами из лазурита и золотой кувшин, наполненный нектаром. Затем Наропа сказал Марпе:

– Жидкостью из вазы смой грязь с ваджра и затем водрузи его на древко знамени победы. Это порадует Будд прошлого и принесет счастье всем живущим. Так воплотятся твои намерения и желания существ.

После этого Наропа исчез. Следуя наставлениям Учителя, Марпа вымыл ваджр нектаром из кувшина и увенчал им древко победного стяга. Тогда сияние ваджра осветило всю вселенную. Шесть классов существ в лучах этого чудесного света избавились от печали и преисполнились счастья. Они простирались и выражали уважение великому Марпе и его знамени победы, благословленному Буддами прошлого.

Марпа проснулся под большим впечатлением от этого сна. Радость и любовь переполняли его. В этот момент вошла жена Дагмема с подносом горячего утреннего чая.

– Лама, – произнесла она, – сегодня ночью мне приснился чудесный сон. Я видела двух женщин, несущих хрустальную ступу. Они сказали, что пришли с севера, из Оргъена. Поверхность ступы оказалась грязной. Одна из женщин произнесла: «Наропа велит Ламе Марпе освятить эту ступу и поставить на вершину горы». И ты подчинился, ответив: «Раз сам Мастер Наропа просит совершить освящение этой ступы, я должен следовать его указаниям». Ты вымыл ступу чистой водой из кувшина и благословил ее. Затем ты поместил ее на горный пик, где она засияла разноцветными лучами так же ослепительно, как солнце и луна. Из нее излучалось множество ей подобных ступ, и женщины любовались этим прекрасным зрелищем. Что означает мой сон?

Марпа подумал: «Наши сны во многом схожи», – и его сердце преисполнилось ликования. Однако жене он ответил:

– Не знаю, ведь сны появляются из ничего. Скоро я пойду пахать поле у дороги. Приготовь все, что может мне понадобиться.

– Но это занятие для слуг! – удивилась Дагмема. – Если ты, великий Лама, будешь делать эту работу сам, тебя поднимут на смех. Умоляю, не ходи туда.

Но Марпа оставил без внимания ее слова.

– И принеси мне вдоволь пива, – добавил он.

Получив полный кувшин, он сказал:

– Это пиво выпью я сам. Мне нужно еще столько же для гостей.

Он взял два кувшина, до краев наполненных хмельным напитком, и вышел. Добравшись до поля, он закопал один кувшин наполовину в землю и накрыл своей шляпой. Вспахивая поле, лама наблюдал за дорогой, попивал пиво и ждал.

В это время я был в пути. Начав с Лходрага, я искал Марпу, спрашивая всех встречных путников, где живет великий переводчик. Но никто не знал ответа. Добравшись до перевала, с которого открывался вид на долину, я задал тот же самый вопрос очередному прохожему.

Тот ответил:

– Здесь определенно живет человек по имени Марпа. Но я не знаю никого, кто звался бы великим Марпой-переводчиком.

– А как пройти в медитационный центр Дрово Лунг?

Он указал мне направление, и я снова его спросил:

– Кто живет в Дрово Лунге?

– Тот самый Марпа.

– Есть ли у него другие имена?

– Некоторые зовут его Лама Марпа.

– Что ж, должно быть, он и есть Лама, которого я ищу. А как называется этот перевал?

– Чёла Ганг, Вершина Дхармы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.